ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 127 (4252) | Вторник, 25 октября 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

Через несколько дней — праздник, и Луула Мейер, которую вы видите на этом снимке, готовит к 7 ноября не только новое платье. Луула работает монтажницей на таллинском заводе «Пунане РЭТ», в цехе сборки радиолы «Эстония». Если бы это был просто цех, а то ведь — цех коммунистического труда! Тут надо держать марку.

Фото А. Князева

Человек с душой

Георгий РАДОВ

Дневник писателя

«Я живу в глубине страны и скажу прямо: люди недовольны плохим положением в области культуры на селе, несмотря на то, что успехи есть, и большие. Но от темпов жизни, от темпов развития нашей промышленности, сельского хозяйства и нашей науки культура отстает, и отстает намного. Мы считаем, что пора серьезного разговора перед наступлением на фронте культуры настала. Нужно всесоюзное совещание по вопросам культуры...»

Письмо, как видите, категоричное. Возникает вопрос: не слишком ли? Не умаляет ли М. Мельников, краевед из города Кричева, успехи культурной революции на селе? Ведь они общеизвестны, эти успехи... Нет, это письмо продиктовано другим: возросшими потребностями советского человека.

Впрочем, они все таковы, участники разговора «о пище духовной, как хлебе насущном». Требуют действий! Действий решительных, конструктивных и немедленных, да, немедленных, ибо, как пишет читательница из Казахстана, «ждать дальше нельзя, люди на местах буквально изголодались по настоящей культуре и первосортному искусству».

Эти «люди на местах» не прожектеры, а весьма трезвые люди. Понимают, что не может Большой театр побывать в каждом селе. И тем не менее они требуют приравнять сельскую культуру к хлебу насущному, хотя бы так, как это сделали затейщики разговора, коммунисты кубанской станицы Павловской. «Предлагаю одно, — заявляет Михаил Агапов, колхозник из артели «Вперед к коммунизму» Новосибирской области,— опыт павловцев в административном порядке внедрить повсюду». Слова «в административном порядке» — не оговорка, а ясная позиция. «Добровольно, — считает Михаил Агапов, — чересчур долго будут тянуть волынку, раскачиваться».

Что ж, их не так уж мало, сторонников административного решения проблем сельской культуры. Весной на Рязанщине меня убеждал старый колхозный председатель, человек опытный, досконально постигший и хлеб, и соль руководящей деятельности:

— Знаешь, что тут самое основное? Государственный спрос! Го-су-дарствен-ный! А то ведь с районных организаций область всерьез что спрашивает? Молоко, мясо... За это и влететь может! А за культуру-то спрашивают, как говорится, промежду прочим! Ну и районные товарищи глядят на это промежду прочим, и с нас спрос тем же порядком. Не построю я, допустим, коровник к зиме, — да мне же за это, как говорится, голову отвернут. А ежели я клуб не достроюпожурят меня легонечко и дело с концом. Так с чем же я буду торопиться: с коровником или с клубом? Понимаешь, какая штука выходит? Нет государственного спроса! А кабы спросили с меня за культуру, как за молоко...

— И дело б пошло?

— Не-ет, еще б не пошло! Подмогато нам нужна тоже в государственном масштабе! Вот худо у нас с запчастями, а все-таки поеду я в Рязань, нажму на все кнопки и достану. А если мне для ребятишек пианино понадобится либо хорошие картины для клуба? Кто пособит? База нужна, — как же без этого? И опять же кадры. Агроном нам нужен, допустим, или механик, — так я же знаю,— не сегодня, так завтра я их готовеньких получу. С дипломами! А кто мне музыканта пришлет, чтобы учить ребятишек? Капельмейстера кто направит? Много для нас готовят культбойцов? Ты в курсе дела?

Я сказал, что «курс» этот весьма печален. Так мало у нас еще школ, училищ и институтов для подготовки «культбойцов», что, скажем, вся сеть учебных заведений Российской Федерации едва-едва может удовлетворить сегодняшние потребности одной Кубани...

— Вот, видишь, как запустили, — вздохнул он. — Не клевал жареный петух! Без агрономов, без механиков не могло обойтись село, — вот их и наготовили. А без музыкантов, считалось, можно прожить... Нет, вы мне базу дайте, да подкиньте кадры, да спросите с меня за культуру по первому разряду, тогда...

— Пойдет?

— А как же! Раз спросят да пособят — мы сделаем. Как с кукурузой было? Нажали на нее по первому разряду, и пошла кукуруза. Так же и с культурой. Простая вещь...

В ЭТИХ словах председателя был какой-то резон. Действительно, многие важнейшие проблемы сельской культуры требуют именно государственного решения во всесоюзном и республиканском масштабах. И «база», и кадры, и оплата труда деятелей сельской культуры... И, разумеется, книжная торговля на селе — явно не справляется с ней кооперация, и, думается, уж не лучше б было передать торговлю книгами сельским библиотекарям? Все-таки им это дело больше с руки, чем продавцам селедки и керосина. А издание пособий по эстетическому воспитанию? А устройство передвижных выставок лучших картин, которые кочевали бы по стране? Нет, что и говорить, многое надо решать, как писал сибиряк, «в административном порядке». И все-таки...

Этим летом в Шкотово, под Владивостоком, рассказали мне о Якове Беляеве, человеке, судя по отзывам, едва ли не стороком. Яков Беляев, демобилизованный раненный на фронте солдат, стал заведовать избой-читальней и вскорости вместе с комсомольцами сломал ее, ветхую эту избу, и затеял постройку клуба. И он был готов, этот новый отменный клуб, а когда выяснилось, что негде достать пианино, Беляев написал в Ленинград и видно так горячо, так жалобно написал, что разбередил комсомольцев, и они в неурочное время смастерили пианино в подарок шкотовцам. А вскоре шкотовская самодеятельность заняла первое место на краевом смотре, а тем временем в клубе открылась агрошкола, и состоялась сельхозвыставка, и развернулись кружки, а потом с помощью владивостокских художников была создана колхозная картинная галерея...

Когда люди рассказывали о Беляеве, они словно бы в удивлении всплескивали руками:

— Ведь вот что может один человек... Понимаешь, один человек, ежели он с душой, что он может...

ЧЕЛОВЕК с душой... Там, на берегу океана, я припомнил, как позапрошлой осенью в небольшом донбасском городке мы с Павлом Степановичем, знакомым начальником участка, ходили во Дворец культуры. О, это и впрямь был дворец — торжественный, чинный, роскошный, с колоннами, светлым паркетом, мягкими креслами и целым штатом дипломированных режиссеров, дирижеров, художников. Но боже мой, какая же там была образцовая скука! Под стеклом, как музейные экспонаты, сверкали графики «мероприятий», но пусто было в нарядных залах, а когда мы вышли на улицу, тотчас встретили стайку парней и девушек. Они шли, как ходят в деревнях: впереди вышагивал гармонист, а две девчонки выводили осипшими от стужи голосами:

Дура я, дура я,
Дура я проклятая.
У него четыре дуры,
А я дура пятая...

— Культура?! — с горечью заметил Павел Степаныч. — Дворец построили, дирижеров наняли, а...

— Молодежь виновата?

— При чем тут молодежь? Кабы к этому дворцу да хотя бы одного человека с душой! А го ведь там служащие. За жалованье графики составляют для начальства. А в ней, в этой культуре, что основное? Человек с душой!

Ну, конечно, можно было возразить старому шахтеру. Можно было сказать ему, что, дескать, в любом деле надобен человек с душой, но я, кажется, верно понял Павла Степановича. Понял, что именно в культуре, в эстетическом воспитании, может, больше, чем в любом другом деле, никак нельзя обойтись без человека с душой! Тут нужны не просто культурники, дирижеры и режиссеры с дипломами, а непременно люди с огоньком, с выдумкой, с «искрой божьей», способные зажечь, увлечь, готовые отдать себя без остатка...

И СТОИТ появиться такому человеку в селе, в районе или в области, и смотришь, самое недоступное становится доступным. Ведь вот, пожалуйста, спросите-ка у областных деятелей культуры, почему, мол, настоящий профессиональный театр не побывал в такой-то деревеньке, — да вас же засмеют! «Ну что это еще за фантазии — в каждую деревеньку везти настоящий театр! Возможно ли это? Где помещения? Где транспорт? А кассовый план?» А я минувшим летом исколесил всю Херсонщину и, что называется, собственными глазами убедился в том, что Херсонский областной театр побывал за летние месяцы в каждом колхозе области. В каждом! В степи под звездами сходились по две, по три тысячи зрителей, артисты играли на передвижной сцене с настоящими декорациями, играли пламенно, вдохновенно, а утром грузовики перевозили труппу в соседнее село. А нынче, как я узнал, херсонцы построили в колхозах сто зеленых театров, и снова артисты, разбившись на группы, разъехались по селам и обслужили за лето шестьсот тысяч зрителей.

Так почему же это стало возможным на Херсонщине, а, скажем, не на Дону, не на Кубани, не на Днепропетровщине? Что у Херсона особые условия? Да нет же, просто в Херсонском театре и в областном управлении культуры оказались люди с душой и одолели препятствие, которое иным до сих пор кажется непреодолимым.

Но где же его найти для каждой деревни, человека с душой, да при том еще человека интеллигентного, знакомого с искусством? Выучить в школе? В училище? В институте? Да, выучить, но не следует ли прежде подумать о том, КОГО учить? Если в училище, готовящее бойцов сельского культурного фронта, явилась девица лишь потому, что не попала в консерваторию, — из нее, может, и получится специалист, но боец вряд ли получится. А ведь намто нужны Беляевы! Так не следует ли и принимать в эти училища только по общественной рекомендации? Не следует ли устраивать строжайшие отборы из числа лучших руководителей самодеятельности, рвущихся к Большому искусству? И пусть они будут постарше обычных, эти, как их зовут, абитуриенты, — невелика беда, зато бойцы из них наверняка получатся!

Но учить — это длинная песня, а нам нужно думать о сегодняшнем дне сельской культуры. Значит, надо искать их, интеллигентов с творческим огоньком, искать прежде всего на месте, в селах и не пожалеть, скажем, отдать в клуб лучшего учителя, если он как раз тот человек, который нужен клубу. Но есть и еще выход. Не пора ли, — в который уж раз, — городам снова прийти на подмогу селу? В свое время городской комсомол посылал на село трактористов, шоферов, слесарей — такая была нужда. Но сейчас нет у деревни большей нужды, как потребность в грамотных бойцах культурного фронта. Как бы сейчас выручила деревню еще одна комсомольская мобилизация! Да если приедет из города с комсомольской путевкой огневой умелый «гуманитарий», — избач, или заведующий клубом, или преподаватель музыки, — так ведь он один сможет закрепить за колхозом десятки юношей и девушек, тех же трактористов и шоферов. Молодежь-то чаще всего бежит из деревень из-за бескультурья, от скуки...

СОВСЕМ недавно, в начале осени, «на диком бреге Иртыша», неподалеку от Омска, повстречал я Петра Ивановича Звегинцева. Биография этого молодого человека— сущий клад для литераторов. Он окончил консерваторию, играл первую скрипку в оркестре, потом учился в партийной школе и в числе тридцатитысячников уехал на село. Теперь «первая скрипка» председательствует в колхозе села Богословка, хозяйничает умело, даже, я бы сказал, оборотисто, но не в этом суть... Звегинцев уже не первый год яростно воюет против остатков идиотизма деревенской жизни, которые, что там скрывать, еще гнездятся в быту. Он учит людей строить многокомнатные дома, устраивает «семинары» у стиральной машины и, построив водопровод, пропагандирует ванны с колонками, и ратует за телевизоры и за то, чтобы дети учились музыке. И хотя в богословских избах еще встречаешь смешение семнадцатого и двадцатого веков: телевизор порой соседствует с иконами, а стиральная машина—с прабабкиной зыбкой, — все-таки городской современный быт пробивает себе дорогу...

Из Богословки мы возвращались вечером. Спелые звезды зажглись над Иртышом. И мой спутник, омский писатель, сказал раздумчиво:

— Эх, по такому бы Звегинцеву да сыскать на каждую деревню...

— По такому председателю?

— Ну почему же по председателю? Председатель, он может быть и иным. Хозяйственник. А вот человек такой, как Звегинцев, нужен каждой деревне. Интеллигентный, со вкусом, настырный притом. Сыскать бы...

И тут же пришло на ум: да неужто не сыщем «хотя бы по одному на каждую деревню»? Да, разумеется, сыщем, если поскребем как следует по сельским и городским сусекам. А ежели сыщем да пособим ему по-государственному — тогда с сельской культуры вполне можно будет спросить полной мерой или, как говорил рязанский председатель, «по первому разряду».

ОСЛЫ И СЛОНЫ

Георгий КУБЛИЦКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Америка 1960

ОСЛЫ и СЛОНЫ за последние дни размножаются в Нью-Йорке с удивительной быстротой, не свойственной этим животным. Они лягаются, они размахивают хоботами на газетных страницах и за стеклами магазинных витрин. Они попадаются на глаза везде и всюду.

Выпущена новинка, темные носки: для демократов — с белым ослиным профилем, для республиканцев — с белой слоновьей тушей. Тем самым значительно облегчено определение политических симпатий джентльменов, имеющих устойчивую привычку класть ноги на стол. Поступили в продажу галстуки из недорогой ткани с набивным рисунком: слон, стоящий на задних ногах, как в цирке у Дурова, и осел в цилиндре «дяди Сэма». На первых написано: «Никсона — в президенты!», на вторых—«Кеннеди—в президенты!».

Торговля нейтральна. Она выставляет предвыборный товар для обеих главных партий. Сообщается, что изготовлено около ста миллионов жетонов, или, как их называют, «пуговиц», с портретами кандидатов. Размеры — от двадцатикопеечной монеты до чайного блюдца. Многие уже носят их на пиджаках и платье. Опубликовано заявление психолога, что жетоны влияют на янки столь же магически, как боевая раскраска на индейцев из племени команчей. Человек, прикрепивший жетон, обретает решимость в борьбе за своего кандидата. Чем больше «пуговица», тем больше решимость.

Вносит свою лепту в избирательную кампанию и искусство. «Радио Сити холл» показывает слонов и ослов в специальной программе. Под звуки «Янки дудль» они обнимаются в знак двухпартийной гармонии. У гигантского вопросительного знака исполняются куплеты, утверждающие, что президент — кто сядет в Белый дом, это еще вопрос! — все равно «пойдет вперед». А то, что один может при этом отклоняться немного влево, а другой—немного вправо, — уже не столь существенно...

Считают, что у Никсона крепче поддержка среди влиятельных политических деятелей. Его, хотя и с некоторыми оговорками, поддерживает Рокфеллер. Банкир Диллон, заместитель государственного секретаря, пожертвовал в фонд Никсона десять тысяч долларов. Президент Эйзенхауэр поддержал кандидата республиканцев как материально, так и морально. Он внес 500 долларов на избирательные нужды г-на Никсона и дал вице-президенту весьма лестную оценку. По словам г-на Эйзенхауэра, Никсон — самый подходящий человек для должности президента. Очевидно, начатая г-ном Эйзенхауэром поездка по стране также должна поднять шансы Никсона. Поездка была объявлена «внеполитической». На первом ее этапе, в Детройте, президент произнес речь, в которой нападал на «коммунистическую философию» и призвал страны «свободного мира» сотрудничать с США, чтобы сдерживать влияние коммунизма на «бедные народы».

МЫ ДАВНО и хорошо знаем существо американской демократии, трезво оцениваем партии и кандидатов. Средний же американец не вооружен методом марксистского анализа. Я не смею, однако, утверждать, что американского избирателя интересует лишь спортивная сторона выборов. Так, вероятно, было. Но последние годы не могли не оставить следа в сознании великого и талантливого народа. Разве, например, события, происходившие на прошлой и нынешней сессиях Генеральной Ассамблеи, могли не затронуть американцев? Мужественный голос правды, яркие и прямые речи Никиты Сергеевича Хрущева будили сознание людей, заставляли их задумываться, зорче присматриваться к политической жизни страны.

Встревоженный усилением «холодной войны» американец ищет ответа на многие волнующие его вопросы. Вот тут-то политиками и пускается в ход мощнейшая рекламно-пропагандистская машина. Приемы и беспринципность большого бизнеса переносятся в идеологическую сферу. Оглушить избирателя лозунгами, направить его мысли в нужное политиканам русло, убедить в том, что такой-то кандидат — лучший в мире, причем убедить почти теми же проверенными на среднем американце приемами, какие используются, скажем, для рекламы «лучших в мире» сигарет «Кэмл», — вот задача организаторов кампании.

Америка тратит на рекламу свыше десяти миллиардов долларов в год. Что такое американская реклама? «Печатное, рукописное, устное или графическое осведомление о лице, товаре, услугах или общественном движении, открыто исходящее от рекламодателя и оплаченное им с целью увеличения сбыта, расширения клиентуры, получения голосов или публичного одобрения» — таково определение рекламы, получившее первую премию на всеамериканском конкурсе.

Вдумайтесь: общественное движение ставится в один ряд с новым сортом мыла, плата ради получения голосов считается столь же естественной, как и рекламные расходы для ускорения распродажи партии автоматических крысоловок! И в этом премированном определении — ключ к пониманию даже внешних особенностей американской предвыборной кампании.

Я как-то наблюдал за выходом г-на Никсона из отеля «Коммодор». Против дверей стоял белый кабриолет с крупными надписями на капоте и бортах: «Пэт и Дик Никсон». Уменьшительные имена кандидата и его супруги красовались также на плакатах, с которыми выстроились у подъезда шустрые девицы. Почти все плакаты были написаны одной краской и одной уверенной рукой: оплата труда художника, по-видимому, производилась по общему счету. Я переписал некоторые лозунги: «Ура Никсону, брагу красных!», «Эй, Пэт, мы за тебя!», «Никсон—Лодж — наша команда», «Пэт — первая леди Америки», «Хэлло, Дик, ты всегда был за нас!», «Для работы и удовольствия выберем Никсона», «Никсон и Лодж — за сильную Америку», «Мы хотим Никсона!».

Г-н Никсон с супругой появился в дверях, девицы завизжали, кинохроникеры вскочили в одну машину, детективы и телохранители — в другую, полицейские оседлали мотоциклы — и через минуту кавалькада помчалась под вой сирен по Нью-Йорку...

На улицах Нью-Йорка действует немало своеобразных «агитпунктов». В окнах одних — огромные портреты Кеннеди и Джонсона. А где-нибудь поблизости — окна с такими же огромными портретами Никсона и Лоджа.

Немолодая дама с лицом озлобленной неудачницы стоит у входа. На ней — кокетливо распущенная белая юбка не по сезону. Вместо узоров по подолу выведено: «Никсон, Никсон, Никсон». И на тулье пластмассовой шляпы — десяток ослепительно улыбающихся Никсонов.

(Окончание на 4-й стр.)

О пище духовной, как хлебе насущном...

Жить ли музам в Павловской?

Вадим СОКОЛОВ

ИТАК, речь снова о кубанской станице Павловской — той самой, где полгода назад писалась статья «О пище духовной, как хлебе насущном...». Почин павловцев, сложивших в одну копилку все колхозные культфонды и начавших широкий, массовый поход за культуру села, нашел уже отклик в разных концах страны.

Но вернемся к первоисточнику — туда, где шесть месяцев назад пленум райкома партии принял конкретную программу эстетического воспитания жителей колхозных станиц. Что сделано за полгода?

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ...

Да, этот подзаголовок из прошлой статьи есть все основания повторить и сегодня. Проблем, пожалуй, стало даже больше.

Жизнь у павловцев в этом году была не из легких. Вы помните — пленум начался, когда по району металась черная буря. Пленум кончился, а буря свирепствовала еще три недели. Слабодушным небо показалось с овчинку. Дескать, со скотом бед натворили, что соберем — одному богу известно, какая уж тут эстетика. Не судьба... Павловцы сумели, как советовал поэт, «взять судьбу за лацканы», и год из самых пропащих к сентябрю уже выглядел средним. А потом, как победный марш, перекрывая шум осенних ливней, зазвенели сводки неожиданно щедрого и обильного урожая сахарной свеклы. Только успевай вывозить. Машины давай, машины...

— Подкинете по знакомству полсотни грузовых из Москвы?

— Да нет, товарищ культурой интересуется...

— Тогда — пианино. Штук десять!

Я не поверил: выкаблучивается председатель. Послушал самих колхозных «мамаш», и всюду — в автобусах, в кино, в приемной райкома только и разговоров: куда отдать Володьку или Ларису музыке учиться и почему, мол, в Краснодаре это не проблема, а нас все «завтраками» кормят... Начали нынешний учебный год три музыкальные школы, а жалоб и требований осталось столько, сколько станиц в районе.

В общем, первый пункт принятой в апреле программы — поход за всеобщее музыкальное образование детей и юношества — заметно продвинулся. Двинулись понемногу и другие проблемы: собрались первых четыре десятка картин для художественной галереи; открываются в Павловской шестимесячные курсы по подготовке руководителей хоров и кружков самодеятельности (зародыш будущего музыкально-педагогического училища). Собрали силы и средства в общий кулак, и теперь уже вместо одного университета культуры — пять.

Ребром встала и одна из наиболее сложных проблем: примерно половина слушателей университетов культуры— доярки, скотницы, работницы ферм. Чтобы заниматься, нужен досуг, иными словами — твердый семичасовой рабочий день. Поскольку день этот у доярок с пяти утра до семи вечера, необходимо двухсменное дежурство на фермах. О второй смене в совхозе «Сосыкском» думают сейчас все — есть там горячий «болельщик» этой проблемы, парторг совхоза Иван Сергеевич Клименко, и есть ясное понимание, что без двухсменки не сдвинуться с мертвой точки ни в удешевлении молока, ни в культурном росте. Руководители старой закалки охотней «прибедняются»: технология отстает, — а мы люди маленькие, пороха не выдумаем, придется дояркам без университетов...

Так заявляет о себе еще одна (и не очень новая) проблема: какое место председатель колхоза в своих расчетах и планах отводит культуре, ее развитию, ее потребностям?

РАЗГОВОР В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Вот уж ничто не предвещало таких обид в ново-пластуновской средней школе!

Председатель колхоза здесь — агроном, человек с высшим образованием, руководитель опытный, Герой Социалистического Труда Петр Никитович Стратиенко. Свое большое, разбросанное по степи и хуторам хозяйство он показывал охотно, любовно.

(Окончание на 2-й стр.)

ДЕКАДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

20 октября в Сталинабаде, в Театре оперы и балета имени Садриддина Айни открылась декада русской литературы в Таджикистане.

К декаде в республике вышли из печати антология русской поэзии и 12 сборников произведений современных русских писателей.

На открытии декады гостей — русских литераторов —тепло приветствовал первый секретарь ЦК КП Таджикистана Т. Улджабаев. Таджикский народ, сказал он, искренне рад приезду видных деятелей литературы Российской Федерации, представителей русского народа, давшего миру великих художников слова.

Доклад «О благотворном влиянии русской литературы на таджикскую советскую литературу» сделал председатель правления Союза писателей Таджикистана лауреат Ленинской премии Мирзо Турсун-заде. Таджикские писатели подчеркнул он, учились и учатся у Горького и Маяковского, Шолохова и Фадеева, Твардовского и Федина, чьи книги стали настольными в республике.

На открытии декады присутствовали приехавшие из Москвы писатели Ю. Друнина, С. Липкин, П. Лукницкий, М. Светлов, В. А. Смирнов, С. В. Смирнов, С. С. Смирнов, В. Солоухин, А. Софронов. Поэты Г. Мирзоев, Б. Рахим-заде прочли переводы стихов русских поэтов.

На следующий день гости побывали в Академии наук Таджикской ССР и ознакомились с достижениями ученых республики.

Гости познакомились также с изобразительным искусством таджикского народа, побывали у воспитанников школы-интерната в Лучобе. Вечером Таджикский театр оперы и балета вновь был заполнен. Перед представителями общественности столицы и гостями выступил министр культуры республики А. Имамов.

Вчера наш корреспондент беседовал по телефону с Мирзо Турсун-заде.

— Декада русской литературы — большой для нас культурный праздник, — сказал писатель. — На многочисленных встречах наших гостей с рабочими, интеллигенцией, студентами и учащимися в полной мере проявляются горячие чувства нашего народа к великому русскому народу и его литературе. Русские писатели—участники декады побывали уже во многих местах и даже успели слетать на «крышу мира»— в Хорог, населенный пункт, расположенный в горах Памира. В Хороге гости выступили перед его жителями. 25 октября наши гости вернутся в Ленинабад.

Декада, сказал в заключение Мирзо Турсун-заде, проходит очень хорошо, я бы сказал, даже замечательно.

ПЯТЬДЕСЯТ КНИГ

ДЕКАДА УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА МИСТЕЦТВА

ЭТО БЫЛ напряженный для издательства год. К Декаде украинской литературы и искусства нужно было выпустить около 50 книг, причем выпустить в красивом, праздничном оформлении. Трудности заключались еще в том, что большинство книг из декадного плана — это новые произведения украинских писателей, сданные авторами только во второй половине года.

Но вот наступила, наконец, пора, когда издательский план по декаде выполнен. Первые декадные издания уже легли на прилавки книжных магазинов, а многие из них лишь «промелькнули», так как сразу же были раскуплены читателями.

Чем же порадует нас «Радянський письменник»?

Отвечая на этот вопрос, главный редактор издательства Анатолий Мороз называет прежде всего новые книги о наших современниках. Это — произведения, отображающие героические дни Великой Отечественной войны (роман Олеся Гончара «Человек и оружие», повесть Василя Земляка «Гневный Стратион»), рассказывающие о сегодняшней жизни рабочего класса (роман Якова Баша «Надежда»), или о колхозной деревне (романы Юрия Збанацкого «Перед жатвой», Василя Кучера «Трудная любовь»), или о людях советской науки (дилогия Натана Рыбака «Время ожиданий и свершений»).

С интересом будут читаться и вторая книга романа Андрея Головко «Артем Гармаш», и роман Юрия Смолича «Рвет и стонет Днепр широкий...», воскрешающий страницы истории революции на Украине, и роман Леонида Смилянского «Молодость поэта», рассказывающий о жизни великого кобзаря Тараса Шевченко.

А наряду с «большой прозой» — сборники рассказов («Встречи» Ванды Василевской, «В снопе дозревает» Ивана Ле), сборники очерков, в которых Александр Былинов, например, рассказывает о строителях комсомольских домен, а Василь Лозовой — о знатном колхознике Львовщины, Герое Социалистического Труда Ярославе Чиже. Девять таких сборников выходят в серии «Украина сегодня».

Но «Украина сегодня» — это тема не только очеркистов. Сегодняшнюю Украину можно увидеть и в стихах, составивших те поэтические сборники, которые «Радянський письменник» выпускает к декаде. Это сборники новых стихов Платона Воронько, Петра Дорошко, Андрея Малышко, Миколы Нагнибеды, Максима Рыльского, Владимира Сосюры, Павло Тычины.

Восемь поэтических сборников — стихи Е. Бандуренко, А. Кацнельсона, И. Муратова, Г. Плотника, Н. Тарновского, В. Швеца, Н. Шеремета, Я. Шпорта — вклад «Радянського письменника» в серию «Украинская советская поэзия», выпуск которой осуществляют три киевских издательства.

Издательство выпускает к декаде и ряд книг, написанных ранее, полюбившихся читателю и выдержавших, как говорится, испытание временем. Среди них — «Поэма о море» Александра Довженко, сборники стихов Максима Рыльского «Далекие небосклоны» и «Розы и виноград», а также романы В. Василевской, М. Стельмаха, А. Копыленко, П. Панча, В. Собко, А. Ильченко, И. Ле.

В трехтомной антологии «Украина смеется», изданной «Радянським письменником», собраны лучшие образцы украинского юмора и сатиры — народное творчество, произведения украинских дореволюционных и советских писателей. Отдельно выходит иллюстрированный сборник пародий, эпиграмм и шаржей.

Наконец, критико-литературоведческие книги. Вышел в свет сборник статей о проблемах развития современной украинской литературы «Герой и современник», на днях выходит двухтомник литературно-критических очерков о творчестве крупнейших писателей Украины. Издается также на украинском и русском языках справочник «Писатели Советской Украины».

К. ГРИГОРЬЕВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

КИЕВ

Жить ли музам в Павловской?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

У запертой на амбарный замок двери станичного клуба Петр Никитович засуетился, покраснел, но и тут не слукавил: «Клуб у нас старый, малоподходящий, смотреть особенно нечего. Библиотека — ничего себе... А школа старая, тесная, лучше не ходить».

Мы с Николаем Васильевичем Шутенко, вторым секретарем райкома, все-таки зашли и в учительской застали почти всех преподавателей сельской десятилетки, отдыхающих в «окне» между сменами. Николай Васильевич съязвил что-то насчет клуба, в котором вся колхозная культура заперта на замок, а учителям вроде до этого и дела нет. И вот эта-то пустяковая искра вызвала настоящий взрыв...

Сельский учитель был и остается главным, наиболее полномочным представителем всей культуры в селе. В колхозе «Советская Россия», крупнейшем у павловцев, есть несколько агрономов, разбросанных по бригадам, есть техники и специалисты бывшей МТС, будет (когда закончится строительством больничный городок) полтора десятка врачей и медсестер, положены по штату три-четыре культработника — а учителей в станице уже сегодня более семидесяти! Естественно, что первыми ректорами университетов культуры в Павловском районе стали учителя.

С сельского учителя многое спросится. Отсюда и желание видеть его не узким «предметником», а человеком разносторонних навыков, имеющим две-три «дополнительные» общественные профессии. Воспитатель молодежи и посланец интеллигенции отвечает — не может не отвечать — за всю культурную жизнь села. Но не менее серьезны и справедливы встречные претензии сельских учителей — те самые, о которых разгоряченно поведали нам двадцать шесть учителей ново-пластуновской средней школы.

Пока в колхозе все хорошо, учитель живет и работает бок о бок со всеми. Но при малейшем затруднении выясняется, что в общем-то учитель для колхоза — лицо постороннее. Трудно с дровами — труднее всего учителям. Временный перебой с чем-либо из продуктов — опять острее всего это чувствуют учителя.

Страдает от этих старых, но не забытых межей прежде всего дело. В хуторе Волчанском заведовать библиотекой и клубом пришел недавно Сергей Грибов, кончивший в Павловской десятилетку и поступивший в Харьковский библиотечный институт. Парень, видимо, серьезный, не случайно выбравший свою трудную профессию, обуреваемый «муками творчества», — стихи пишет:

> «Муки творчества», говорили раньше...
> Какой равнодушный, холодный штамп!
> А сердце звенит титаническим маршем,
> В сердце — огни стосолнцевых ламп...

«Огни стосолнцевых ламп» — за такого парня обеими руками держаться надо, привязать его к колхозу, проводить в институт так, чтобы и на практику, и потом, когда кончит, вернулся он сюда, обязательно сюда — в колхоз имени Калинина. А Петр Никитович Стратиенко недоуменно пожимает плечами: мы-то тут причем? Ведь клуб-то в Волчанском сельсоветский...

Зато когда спросишь любого колхозного руководителя: что мешает сейчас открыть музыкальную школу, наладить самодеятельность, с кубанским размахом заняться культурой села — ответ единодушный:

— Кадров нет!

ДВЕ ПРИТЧИ О КАДРАХ

С кадрами, действительно, туго. Отчего же так, если теперь уже вопрос не упирается (во всяком случае в Павловской) ни в деньги, ни в квартиру. «Артисту или музыканту квалифицированному без всякой очереди коттедж поставим. Со всеми удобствами!» — заверил нас секретарь районного комитета партии Николай Михайлович Архипенко. Так почему ж не едут?

Когда, встретившись с только что назначенными ректорами университетов культуры, я спросил их об этом, беседа на минуту прервалась, люди задумались, перебрали несколько причин, пока не сошлись на одной, главной:

— Грязи боятся.

Разумеется, не той кубанской черноземной грязи, которой у павловцев по колено сразу после дождя, — понимать надо шире. Ведь в Старо-Леушковской или Ново-Пластуновской руководителю дома культуры (когда появится там дом, который не стыдно будет так именовать) начинать придется с самой трудной, черновой работы. Ему будет труднее, чем учителю или врачу, — тяга к искусству огромная, а навыков еще мало.

И все-таки нет сомнений: были бы уже сегодня, сейчас в Павловской свои профессиональные музыканты, режиссеры, отличные организаторы самодеятельности, если бы... Ну, пусть не как хлеба ищут — пусть их искали и ценили здесь хотя бы не меньше, чем футболистов.

О том, как стали павловцы чемпионами в футболе — об этом вам охотно расскажут занимательную притчу. Конечно, легенда с выдумками, но поучительная. Мы услышали ее из уст Ивана Исаевича Гармаша, старожила и страстного патриота здешних мест — шестнадцатый год подряд руководит он богатейшим в районе колхозом, который носит теперь название «Советская Россия».

Притча о футбольной команде

«В каком году — не ведаю, в каком краю — угадывай жил-был председатель райисполкома. Много он добрых дел переделал, а для себя одну слабость оставил: страсть, как любил футбольные схватки. Бывало, выходного дня не пожалеет, ночь на дорогу прихватит — только бы посмотреть, как ростовский левый край «финтить» будет. Ну и, конечно, мечтал завести в станице свою футбольную команду.

Познакомился он с хорошим парнем-футболистом, тот физкультурный институт кончил. Привязался к нему, как к родному сыну: письма пишет, ко всем пролетарским и православным праздникам поздравления шлет. На распределении парню дают путевку на Дальний Восток, а наш председатель все телефоны оборвал, чтобы к нам — и никуда более. Приехал парень да еще дружка прихватил.

Обжились они, пригляделись, доложили председателю — есть в Ейске способные ребята. Сказано — сделано: Ейский техникум отдает по нашей заявке еще четырех.

Стали вратаря искать, ребята подсказывают: в Тихорецке хороший вратарь пожалился. Председатель к нему, а тот — ни в какую. Что будешь делать? Председатель к секретарю райкома: в тебе, говорит, особая сила убеждения есть — поезжай. И что вы думаете? Поехал, уговорил, прямо на машине и привез... Ну, а дальше как по маслу: стадион построили, трибуны заканчиваем, во всесоюзный класс «Б» переходить собрались.

Вот отсюда и чемпионы».

Так закрутил свою притчу председатель «Советской России», тот самый, который поделился с нами хорошей мечтой — иметь в правлении «министра культуры». Мечтать-то мечтает, но телефонов по этому поводу не обрывает.

Может, не умеет Иван Гармаш активно мечтать? Отлично умеет. Кто у павловцев не мечтает о хорошей дороге в колхоз, а Гармаш уже дотянул асфальт до станицы. И правление строит новое, двухэтажное. Не хватило кирпича, так собственное кирпичное производство наладил — нехитрое, но выгодное, «по Кругловскому методу». А вот старый клуб каждый год латает: авось-де и этот еще послужит»...

В тот же вечер в новенькой музыкальной школе колхоза «Комсомолец» я услышал другую притчу. Лариса Валентиновна Пономарева рассказывала о своих приключениях с такой же хитроватой улыбкой победителя, что и Гармаш.

Притча о музыкальной школе

«— Как, говорите, добилась я для музыки таких хором?

Приехала я в Павловскую прошлым летом с Сахалина — климат надо было переменить. Прихожу к председателю: вот, мол, направление, собираемся открывать у вас музыкальную школу. «Что ж, говорит, дело хорошее, баяниста Кольку нужно — с богом!» А где, спрашиваю, заниматься? «Пока, говорит, тепло — на улице можно, на лавочке, а потом найдем комнатушку...» Пришлось объяснить, что на лавочке да в комнатушке никакой школы не будет. Поспорили для начала, покричали — пошли искать помещение. По дороге спрашиваю: а платить как будете? «Это, говорит, как правление решит». А я уже слышала: с наличными деньгами в «Комсомольце» туго. Что тут правление решит?.. Словом, хлебнула я забот полной мерой, но постепенно науку усвоила: главное — не отступаться. Тем более парторг поддерживает, да и колхозницы уж очень хотят детям музыку дать.

Вот и стали мы на каждом правлении какую-нибудь нашу заботу решать. Председатель хитрит, оттягивает, наш вопрос где-нибудь двенадцатым или тринадцатым, а я сижу, не ухожу, хоть до первых петухов... Раз сорвется — второй раз иду, третий, десятый. Измором беру! Еду, к примеру, в Краснодар, надо, говорю, вот получить. «Нету денег», — отвечает. Хорошо, покупаю на свои, а в бухгалтерии потом счет предъявляю. Конечно, могут и не оплатить, но пока такого не бывало... Теперь-то я бог и царь — поверили! Отдельный дом поставили, девяносто семь учеников (вместе со взрослыми), три отделения — фортепьяно, баян, аккордеон. И люди идут, тянутся... Уже не я к нему, а председатель к нам все чаще заглядывает: не нужно ли чего?»

ДАЛЕКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Как часто, осуждая молодого художника за наивный скепсис, снобизм, отрыв от жизни, мы не предлагаем его таланту и энергии попробовать себя на большом, настоящем самостоятельном деле. Наоборот, мы порой как бы подталкиваем его на более ровный, кем-то проторенный путь — словно ожидаем от нового поколения в нашем новаторском искусстве смирения, а не дерзания.

Трудную пору переживает сейчас талантливый, ищущий коллектив театра «Современник»: ему пока даже постоянного помещения не отыскалось. Мечтают о гастролях. А почему бы не на Кубань? Могу поручиться: для выступлений и репетиций в Павловской (да и не только там, конечно) этот прекрасный молодежный театр найдет такие условия, какие в Москве ему и не снились... Или молодые поэты? Нет, это была бы не торжественная поездка на праздничную декаду — здесь раньше, чем снять заслуженный урожай, пришлось бы и пахать, и сеять, и культивировать, но здесь скорее определяется, где зерно, где полова.

Сейчас, к примеру, павловцам до зарезу нужны свои художники, скульпторы, архитекторы — бурно строятся станицы, разбиваются скверы и парки, возводятся дворцы культуры, стадионы, больничные городки, складывается новый облик села. Каким ему быть? Что заменит вечнозеленых «Мишек» внутри и фанерных красавиц снаружи, по которым родные матери не узнают своих дочерей-героинь? На красивом взгорье в Старо-Леушковской вытянулась в полный рост [illegible] с веслом, — что называется, ни к селу, ни к городу (местные острики сравнивают ее с блестящей баней). Председатель Гармаш тоже недоволен: «Без меня поставили, пока я в отъезде был...» А ломать жалко, тысячи потрачены.

«Поселилась муза в Павловской» — так назвал свою недавнюю статью в газете Николай Михайлович Архипенко. Он прав: муза здесь, конечно, поселилась, но живет она пока в гостинице: по вечерам ей еще скучновато и одиноко. Хорошо бы, как учит история, Совет муз. Об этом и мечтал Николай Михайлович, когда мы расставались.

— Видел я в Краснодаре, в ресторане, парня за барабаном — палочки подбрасывает, а мне говорят: он училище кончал. Ей-богу, расхотелось мне ужинать... Мы же большое дело предлагаем: вот сейчас — будет у студентов последняя практика, собрались бы человек десять: музыкант, литератор, художник, архитектор, искусствовед, артист, режиссер, журналист, кинооператор... ну, кого еще забыл?.. и айда к нам, сюда в Павловскую. Комплексной, так сказать, бригадой!

Николай Михайлович прищурился, улыбнулся с лукавинкой и уже шепотом, как заговорщик, закончил:

— А кто приедет, тот не уедет отсюда, — я уверен. Простор засасывает... Видели в «Сосыкском» девушек-свинарок? Ведь что придумали, умницы: в степи, под открытым небом на полтора-две тысячи поросят выращивают. В белом халате, в капроне разгуливают. Свинарка от грязи отделалась — вы понимаете, что это значит?.. Есть одна из Подмосковья. Выучилась на трактористку, послали ее куда-то на Север, а она нам письмо пишет: «Правда ли, что у вас, когда на тракторе едешь, конца поля не видно?» Поняли мы ее — таких полей, как у нас, на Севере не бывает. Отвечаем: приезжай. Она еще подумала, потом приехала, а в селе свободного трактора не нашлось. Уговорили ее пока свинаркой поработать. А на днях спрашиваю: на трактор пойдешь? Нет, говорит, и тут на всю степь одна. Горизонт, говорит, далекий... Да, простора у нас много. Есть где развернуться талантливому, творческому, думающему человеку!

ФЕЛЬЕТОН

Леонид ЛИХОДЕЕВ

ДИКАРЬ

Это слово почему-то вышло из употребления. А в прошлом оно имело почти равные права, наравне с такими словами, как «квартира» и «смазать», несмотря на то, что «смазать» — это слишком кратко, а «квартира» — слишком многословно.

Чтобы быть дикарем, необходимо, как минимум, сокрушить какую-нибудь цивилизацию. Для получения квалификации дикаря нужно даже наломать немало дров на историческом поприще.

И несмотря на то, что от привычного, обыкновенного, будничного дикаря ничего такого не требуется, люди все-таки не посмели поместить его в столь высокую компанию.

Дикарь может и не знать о существовании истории или цивилизации. Потому ему [illegible]...

Итак, дорогой читатель, среди наших глубоко культурных и цивилизованных людей топчется дикарь. Он шатается вдоль и поперек, оставляя за собою мелкие, но довольно смердящие следы. Он не сокрушает цивилизацию и не ломает исторических эпох. Он просто портит все, к чему ни прикоснется, потому что не вылез по времени не меньше, чем на четыре исторических периода.

Что он делал для того, чтобы так непоправимо отстать, я не знаю. Может быть, сидел в пещере, а может быть, с этакой забавой «модно» и не разглядывал [illegible].

Во всяком случае, он не вышел вовремя. Были уже позади... Уже существовала в стране поголовная грамотность, уже работали тысячи новых современных заводов, уже выросли миллионы новых домов и серьезные люди в комбинезонах готовили к полету космический корабль.

Более того, уже всем было ясно, что [illegible].

А дикарь ничего такого и не подозревал. Он вышел, неспешно осмотрелся, ухватил рукой и сказал те самые слова, которые в словарях снабжаются пометкой (нецензур.).

И пошел себе в социализм.

Он пошел, не оборачиваясь и не заглядывая вперед, пошел, не думая, что с ним происходит и что может произойти...

Выражаясь словами путешественников, «как-то мне довелось побывать» в одном шахтерском поселке. Передняя прекрасного двухквартирного коттеджа была устлана каким-то странным прорезиненным половиком. Половик мне серебрился — такой он был новенький.

Я долго стеснялся спросить, что это за материал и как он выполняет свои функции по созданию уюта. Наконец, жажда знаний победила и я спросил.

Хозяин снисходительно улыбнулся:

— Сразу видать, что писатели еще не познали всей полноты жизни... Это же вентиляционный рукав! Отрезано два метра рукава, распорото вдоль и разложено! И все дела!..

Освещение этой полноты жизни привели меня к печальным размышлениям. Тот самый вентиляционный рукав, по которому гонят воздух в шахту, нарушен. Тот самый воздух, без которого в шахте нельзя работать, в нее не поступает. Та самая шахта, которая обязалась выполнить план...

Но хозяин перебил мои размышления каким-то [illegible] оптимизмом:

— Вы что? За план беспокоитесь? Так вы это напрасно. Шахта работает, как положено, рукав заменили, и все в порядке. Что у нас, по-вашему, страна бедная? Уголь! Уголь — дело всенародное: вся страна заботится. Что там рукав! Тут врубовку сломаешь — обязательно новую пришлют.

Для того чтобы сломать горную машину, нужно быть браконьером, потому что эти машины делаются, как говорится, на век. Но ведь умудряется! И не какой-нибудь браконьер, а обыкновенный, ничем не примечательный человек, которому просто наплевать на все.

— Пришлют новую — и вся недолга...

Он может сломать трактор, может сломать вранье, и неистребимый оптимизм, [illegible] его белую голову, убережет его от уныния.

Он может стибрить какую-нибудь очень важную мелочь и загнать ее за сто граммов, как загнал моему хозяину кусок рукава.

Короче говоря, дикарь приспосабливает народную экономику к своим ста граммам, и у него это почему-то получается.

Впрочем, не только к ста граммам. Бывает дикарь непьющий. Мне рассказывали, как с фабрики пианино тащили на растопку деревянные молоточки. Знаете, есть такие молоточки в рояле, которыми извлекают из струн божественные звуки. Они очень хорошо горят. Надо отдать должное музыкальным мастерам, которые столько веков не зря ломали голову над выбором соответствующего дерева. Не зря подбирали дерево и для разборных домиков. Детали оказались прекрасным горючим материалом, когда какой-то дикарь в одном целинном районе приспособил их для костра.

Дикарю ничего не жалко. Мимо него проходит настоящая жизнь. Его не касаются ни раздумья инженеров, ни труд рабочих. Он усвоил только одну истину: «государство не обеднеет». И на основании этой истины он гадит, как пожелает.

Он портит [illegible], потому что не умеет вести себя по-человечески, он режет в парной березки, потому что это ему удобно. Он колет на паркете дрова, разбивает кувалдами телефоны-автоматы, заливает в мусоропровод елки-палки, выламывает форточки и заваливает отбросами лестничные клетки.

И когда при этом ему делают замечание, он разевает свою бешеную пасть, бросаясь кусаться.

И какую бы мерзость он ни совершил, она будет точно нацелена против общества. А общество, как известно, стерпит.

— Что с него взять? — разведет руками общество. — Не дозрел он еще...

Это почему же не дозрел? Вы дозрели, а он не дозрел? А когда он дозреет? Может быть, кто-нибудь точно укажет, когда дозреет дикарь? Может быть, кто-нибудь точно установит, когда дикарь наконец [illegible] ему под хвост? Ведь в данном случае речь идет не о том, чтобы созидать, а только о том, чтобы не портить созданное!

Я уже слышу протесты наиболее вдумчивого дикаря:

— Вот уж придем в коммунизм, тогда и... это самое... облагоразумимся...

Слушайте, ни черта он не облагоразумится до тех пор, пока будет считаться, что он еще не дозрел. Надо его «дозревать» насильно. Надо обрушить на него всю силу общественного воздействия.

И нечего делать скидку на его «недозрелость». Не груша он все-таки...

Сергей АНТОНОВ

ПОСТРОЙКА РАССКАЗА

ПИСЬМА О РАССКАЗЕ

Письмо третье

ПЕРЕЙДЕМ теперь к рассмотрению некоторых технологических приемов, помогающих приблизить рассказ к идеалу компактности и цельности и уменьшить его пестроту.

Выбирая примеры, я столкнулся с неожиданной трудностью. Действительно, что выбрать? Свой рассказ взять нельзя, потому что отношение автора к своему произведению всегда близоруко и необъективно. Рассказ классика обязывает к почтительности. Взять какой-нибудь рассказ приятеля, ныне здравствующего члена Союза писателей, и разымать его, как труп, на глазах у автора — просто невежливо.

В конце концов я остановился на рассказе Н. А. Лейкина «Шашечный игрок», написанном в 1880 году. Редактор юмористического журнала «Осколки», современник Чехова, Николай Александрович Лейкин был писателем чрезвычайно плодовитым. «Рассказы и сценки писались им очень легко, — замечает современник. — в два, три часа он начинал и оканчивал обыкновенно рассказ...». Лейкин написал больше тысячи рассказов, очерков и сцен. Многие из них были настолько хороши, что сам М. Е. Салтыков-Щедрин нежданно-негаданно пожаловал к Лейкину на квартиру и предложил ему печататься в «Современнике».

Рассказ «Шашечный игрок» привлек меня двумя своими качествами: во-первых, он короткий, а во-вторых, плохой.

Итак, «Шашечный игрок».

1.

Рынок. В москательной лавке, около конторки, огороженной тесовой перегородкой, сидит на высокой табурете [illegible] купец с добродушным видом лица. [illegible] Борода седая, [illegible] на плечах шуба енотовая и [illegible] новый картуз с большим [illegible]. Против купца, облокотись на конторку и стоя, помещается агент заграничного торгового дома и предлагает купцу товар. Агент в пальто с бобровым воротником, в плюшевом цилиндре высокой, так называемой биржевой формы, с пенсне на носу и с седыми длинными бакенбардами по щекам до половины груди, сильно расчесанными в стороны, что делает его похожим на обезьяну породы гамадрилов.

— Так как же, почтеннейший Федосий Амосыч? — говорит агент с сильным немецким акцентом. — Решитесь [illegible] индиго. Дешевле меня никто вам не даст.

— Цена не сообразная. [illegible] — отвечает купец. — Во, Карла Богданыч, [illegible] цена!

И купец звякнул на счетах, [illegible] агенту.

— Не могу за эту цену. Мельничные жернова пускай уж будут по-вашему, а индиго по-моему. Ну, полноте, согласитесь. Право, перед другими на три процента дешевле беру. И зачем меня теснить? Еще не так давно говорили вы про меня: «хороший немец Карл Богданович, по постам с нами чай с медом в прилизку пьет и пироги на постном масле ест». Хоть за постное-то масло уважьте!

— Чего ежели невозможно — зачем разговаривать, — бесстрастно произнес купец.

— Ну вот я столько с пуда скину, — показал агент на костяшку.

— Не торгуйся, хлопот не стоит! — и купец начал зевать.

2.

— Бобра из Никольского рынка привели, — доложил приказчик, заглянув за перегородку.

— А! Наконец-то! — воскликнул купец, и лицо его оживилось.

Он соскочил с табуретки и засуетился.

— Лучше я с мельничных жерновов еще скину, а индиго нельзя, — продолжал агент.

— Ну, теперь, Карла Богданыч, не мешай! Мне знаменитого шашечного игрока привели. Не умел раньше со мной дела сделать, а уж теперь и подавно не сделаешь. И внимания на твой товар не обращу!

— Я согласен на вашу цену, напишите только заказ, — сдался агент.

— Брысь! Что загородил дорогу! Говорю, что теперь уже поздно. Я в шашки сражаться иду. И уж теперь меня не тронь, а то не ровен час... Я с Бобром-то три месяца собирался в шашки поиграть. Знаешь ли ты, что такое Бобер? Мужик, носильщик от Никольского рынка, а уж насчет шашечной игры — первый человек в Петербурге. Даст мне две шашки вперед, да ежели я его обыграю, так я себя по игре вровень с небом считать буду, а между тем и супротив меня здесь в рынке ни одного игрока не найдется. Прощай!

Купец взял руку агента, потряс ее и побежал вон из лавки.

3.

На задней галерее рынка стоял Бобер, рослый мужик с седой бородой и строгим лицом. Он был в тулупе, переднике и из-за пояса торчала связка веревок с привязанным к концу кожаным кружком, набитым волосом, кружком, какой имеют всегда при себе носильщики, занимающиеся переноской вещей на головах. Он держал себя важно. На него с подобострастием смотрели приказчики, столпившиеся из лавок. Слышались расспросы:

— Неужто с самим генералом играл?

— Играл и в двух местах ему запер. А генерал тоже насчет шашечной игры не дурак.

— Как же ты, Бобер, к нему попал?

— Приехал за мной холуй в ливрее этой самой, посадили меня в сани и повезли.

— Рассвирепел, поди, генерал-то, как ты ему в двух местах запер?

— Не токма что рассвирепел, а взял меня своей генеральской рукой за руку и сказал: «Воистину ты, Бобер, первый шашечный игрок в Питербухе». А у самого из глаз слезы...

— Угощали тебя?

— Из серебряного стакана чаем поили, а потом пару стаканчиков душистой водки поднесли. В кабинете играли, во какой подсвечник с десятью свечами на столе стоял!

4.

К Бобру подошел купец.

— Здравствуй, хваленый игрок! — сказал он.

— Здравствуй, купец Веразлов. Наслышаны мы, что ты до шашечной игры лих, так вот сразиться к тебе пришел, — отвечал Бобер и протянул купцу руку.

— Знаменитому игроку почет! — пожал руку мужика купец и спросил:— Много ли вперед?

— Одну шашку дам.

— Стыдись, одну шашку! Ведь ты на шашечной-то доске спишь. Дай две.

5.

В это время к купцу подскочил агент.

— Федосий Амосыч, дайте заказ, я вам еще два процента скину, — сказал он.

— Эй, молодцы! Уберите от меня немца! — крикнул купец.

— Что же это такое!

— А то, что теперь не подходи ко мне. Рука у меня тяжелая. Иди, говорю; будешь звонить, все равно ничего не отвечу.

— Да вы от своей выгоды отказываетесь.

6.

Купец не отвечал и, обратясь к Бобру, спросил:

— На что же мы играть будем?

— На твой позор. Больше я ни на что не играю. Денег у тебя и без того много. Выиграешь ты с меня рубль, какая тебе польза? Никакой пользы, но зато получишь славу, что Бобра обыграл. А я твоего позора хочу. Обыграю тебя, так посади ты меня в салазки, да и провези вдоль всей линии лавок, запрягшись вместо лошади. Соседи твои увидят, что ты меня везешь, с меня и довольно!

Купец задумался и почесал затылок.

— Возьми четвертную бумажку вместо позора, — сказал он.

— А сам проиграю? Ведь четвертной я тебе не могу отдать. Значит надо вровень. Только через бескорыстие мое такое мне насчет игры и понятие. А буду деньги брать — ходы потеряю. Ты выиграешь — бери с меня славу; я выиграю — позор мне твой подай.

— Дай две шашки вперед — согласен.

— Ешь! — отрезал Бобер.

7.

Сели играть на задней галерее лавок. Шашечницей служила та же скамейка, на которой сидели. На ней были нарисованы квадраты. Вокруг игроков столпился народ. Играли молча. Купец долго обдумывал ходы и при этом грыз шашку. Было что-то торжественное. Немец агент сунулся было опять к купцу с предложением товара, но его остановили приказчики.

— Что вы! Да ведь он теперь без дальнего разговора вдарит по сусалам!

Немец отошел и захорохорился.

— Ударит, так ведь и в тюрьме посидит, — сказал он.

— А что же ему тюрьма? Из-за шашек он и в тюрьму готов. Он вон по ночам вскакивает, расставляет шашки и ходы делает. Пронзительнее его насчет шашек и не сыщешь, — отвечали ему.

Счастье колебалось на сторону купца. Он улыбался и даже потел, не взирая на мороз. Его ударило в жар.

— Выиграю с тебя, Бобер, шапку тебе хорошую бобровую подарю, — сказал купец.

— Подарок примем, а корыстный выигрыш — ни-ни! — отвечал Бобер.

Вдруг необдуманный ход, и Бобер начал «есть» шашки купца. Купец побледнел.

— Садись, ваше степенство, к стенке, — сказал Бобер и задвинул шашками шашку купца.

После этого партия кончилась быстро. Купец проиграл.

8.

— Молодцы! Давайте салазки! — кричал Бобер.

— Прикажете, Федосей Амосыч? — спросили окружающие игроков.

— Давайте, — еле произнес купец.

Подали салазки. Бобер сел в них. Купец взялся за веревку и повез Бобра по двору рынка, мимо лавок. Он то краснел, то бледнел, и на глазах его были слезы. Бобер сидел важно, но вдруг крикнул:

— Ура! Именитого купца обыграл и теперь позором его тешусь!

Рассказ приведен целиком. Я позволил себе только для ссылок пронумеровать его составные части.

Рассказ обладает рядом достоинств. Колоритны и Бобер, и купец, отщелкивающий цену на счетах, и скамейка, на которой нарисована шахматная доска. Однако, если приглядеться внимательней, эти достоинства не выходят из круга частных, так сказать, «тактических» достоинств, метких подробностей обстановки и диалога, неудивительных для писателя, сидевшего в детстве целыми днями в оптовой лавке отца и дядьев-гостинодворцев. В целом же рассказ написан небрежно и, несмотря на его миниатюрность, рассыпается на отдельные, плохо связанные друг с другом кусочки. «Пестрота частей и лоскутность», о которой говорил Гоголь, бросается в глаза настолько явственно, что любому читателю не составило бы труда отделить один кусочек от другого.

Посмотрим теперь отдельные кусочки рассказа и попробуем определить их назначение.

Первая часть определяет обстановку. Автор прорисовывает фон и намечает «гостинодворскую атмосферу».

Пока что заметим, что для короткого рассказа такого типа, как «Шашечный игрок», выделять описание обстановки в отдельную часть и отделять его от начала действия — нерасчетливо. По-моему, начинать так рассказ — все равно, что в театре после поднятия занавеса начинать установку декораций.

Во втором кусочке, который мы пока что пропустим, экспонируется азартная натура купца.

Третий кусочек посвящен главному действующему лицу. Не знаю, как на ваш взгляд, но, по-моему, он написан очень плохо. Бобер экспонируется в невыразительной, случайной ситуации, в информационном разговоре с безликими неизвестными людьми.

Главное же заключается в том, что интересный образ Бобра, образ, который должен бы определить «внутренний дух всего сочинения», достаточно не продуман. В самом деле: гордый, по-своему благородный, знающий себе цену грузчик, с презрением роняющий фразу о холуе, вдруг неожиданно сам начинает изъясняться холуйскими, противопоказанными ему фразами: «Из серебряного стакана чаем поили...», «Душистой водки поднесли...». Образ «двоит» и озадачивает читателя.

Заметьте, что мы рассмотрели половину рассказа, а еще не выбрались из вступительной, вспомогательной части. Налицо — явное нарушение пропорций, затянутость экспозиции, недостаток, типичный и для некоторых современных рассказов.

Справедливость совета: «когда допишешь рассказ — выброси начало», — легко проверить на этом примере.

Учитывая, что в шестой части есть материал, неожиданно и сильно экспонирующий Бобра по главной линии его поведения, можно без опасения вычеркнуть весь диалог третьего кусочка. Но первым двум главкам механическое сокращение вряд ли поможет. На мой взгляд, здесь полезно прибегнуть к простому приему: как бы вдвинуть «действенную» вторую главку в «обстановочную» — первую.

При этом диалог купца с немцем зазвучал бы как-нибудь в таком роде:

—...Цена несообразная. Вот ежели так, как я сказал, так пусть и будет, — отвечает купец. — Во, Карла Богданыч, вот цена!

И купец звякнул на счетах, отделив несколько костяшек и указав на них агенту.

— Не могу за эту цену. Мельничные жернова пускай уж будут по-вашему, а индиго по-моему...

— Бобра от Никольского рынка привели! — доложил приказчик.

— А! Наконец-то! — воскликнул купец, и лицо его оживилось.

— Ну полноте, согласитесь, — продолжает агент. — Право перед другими на три процента дешевле беру.

— Теперь, Карла Богданыч, не мешай.— Купец соскочил с табуретки и засуетился.— Знаменитого игрока привели...

— Лучше я с мельничных жерновов еще скину, — сказал агент.

— Да знаешь ли ты, что такое Бобер?.. Мужик, носильщик от Никольского рынка, а уж насчет шашечной игры — первый человек в Петербурге. С самим генералом играл... В двух местах ему запер... Да ежели я его обыграю, так я себя вровень с небом считать буду...

— Ну вот я столько с пуда скину, — показал агент на костяшку.

— А ну брысь! Что загородил дорогу! И уж теперь ты меня не тронь, а то не ровен час... Да ты знаешь кто я? Супротив меня здесь в рынке ни одного игрока не найдется...

Такого рода соединение двух, а то и трех начальных частей рассказа кто-то из молодых рассказчиков шутливо назвал принципом шестеренки.

Применение этого приема к месту и со знанием дела приносит большую пользу: текст становится короче, эпизод делается двухплановым, ярче и динамичнее. Перечитайте «Полиньку» Чехова. Там этот принцип проведен с классической простотой и наглядной отчетливостью.

Пропустим пока четвертый и пятый кусочки и сразу обратимся к шестому.

Здесь сконцентрирована суть рассказа; здесь объяснение необычной, причитающей фольклорной ситуации: на глазах у всего честного народа, запрягшись вместо лошади, купец везет по двору рынка простого мужика-грузчика.

Заметим, что условия Бобер ставит не ради издевательства над купцом, но исключительно по понятиям справедливости:

— Ведь четвертной я тебе не могу отдать, — говорит он. — Значит, надо вровень. Только через бескорыстие мое такое мне насчет игры и понятие.

Развивая действие дальше в естественном направлении, надо бы, наверное, написать, как азартно торгуется Федосей Амосыч — ведь он купец, и у него есть свой «купецкий» апломб, и, несмотря на всю его любовь к шашкам, согласиться на публичный «позор» ему не так-то легко. Надо было бы написать, как Бобер отказывается от денег и настаивает на своем. Если бы эта ситуация была развернута, разница между благородным, гордым Бобром и азартным купцом проступила бы ярче, и оба персонажа из анекдотических героев волею искусства преобразились бы в отчетливые, социально очерченные противостоящие друг другу типы.

Но значительная, мимолетно мелькнувшая мысль так и погибла в зародыше. Кусочек оставляет досадное впечатление робкой недоговоренности.

Но не станет ли этот кусочек рассказа, если его расширить и конкретизировать, непропорционально большим и тяжелым, не будет ли он «выпирать» из текста?

Вспомним размышления В. Хогарта по поводу статуй Антиноя и Аполлона Бельведерского.

«Антиной лишь восхищает зрителя, в то время как Аполлон поражает его, как говорят путешественники, чем-то сверхчеловеческим, чем-то таким, что они, конечно, никогда не в силах

(Окончание на 3-й стр.)

Окончание. Начало см. «Литературную газету» №№ 121, 124.

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ...

Многое обрадует вас, если вы пройдетесь сегодня по улицам Киева.

Вот магазин «Фарфор — Хрусталь». К вашим услугам хрусталь, столовые и чайные сервизы, фарфоровые скульптуры, посуда. Все это продается в большом зале на первом этаже. А на втором этаже — постоянно действующая выставка. Здесь по образцам можно заказать понравившиеся вещи, и спустя некоторое время магазин известит вас по почте о том, что заказ выполнен. На этом снимке вы видите работницу выставки Лину Демченко, которая подбирает очередной заказ.

О САМОМ ВАЖНОМ

Ю. ГОРЯЧЕК,
В. ЦВИРКУНОВ

Проблема отношения искусства и действительности в современных условиях плодотворно разрабатывается нашим литературоведением. Ей посвятил свою новую работу и украинский критик и литературовед Н. Шамота. Книга Н. Шамоты «Художник и народ»* — не только содержательное исследование; она — и в этом главная причина интереса к ней — страстная, убежденная защита идейных основ искусства социалистического реализма, еще одно свидетельство наступления на всякого рода ревизионистские «теории», которое большим фронтом ведет сегодня наша литературоведческая мысль. Эта нескрываемая наступательность ощутима в каждой главе книги и придает ей в целом остро актуальный характер, которым определяются и задачи исследования, и выбор проблематики, и принципы авторского подхода к анализу отобранного материала.

В начальной главе «Художественная литература и художественные взгляды общества» Н. Шамота прослеживает возникновение, становление и развитие литературы социалистического реализма. Художественное восприятие людей, говорит он, их эстетические взгляды и вкусы не есть нечто неизменное, застывшее, а тем более однородное. Подобно общественно-политическим и философским взглядам, они возникают и развиваются в процессе общественной практики людей и в условиях классового общества носят классовый, партийный характер, вызывая к жизни те или иные художественные программы и платформы, школы и направления. «Господствующие художественные взгляды определяют главные черты господствующего художественного метода», — пишет автор. Следовательно, рождение метода социалистического реализма обусловлено прежде всего коренными изменениями в общественной жизни. Социалистический реализм возник лишь тогда, когда появились люди, думающие, чувствующие и действующие по-социалистически.

Правильность этих принципиальных положений не подлежит сомнению, хотя ясно, что они нуждаются в существенной конкретизации, уточнении. Автору, конечно, следовало бы полнее раскрыть всю сложность взаимодействия и взаимосвязи художественных взглядов с художественными методами, особенно в бурные переходные эпохи общественного развития. Сказанное в книге по этому вопросу не вносит необходимой ясности и определенности в понимание, например, сложного характера отношений между господствующими художественными взглядами в России конца XIX и начала XX вв. и художественными методами критического реализма, декадентского искусства и возникавшей литературой социалистического реализма. То же применительно к литературе современного Запада, где при известной пестроте художественных взглядов существует искусство критического реализма, искусство социалистического реализма и вместе с тем реакционное модернистское искусство. Да и само понятие «господствующий художественный взгляд» требует более детального рассмотрения, чем это сделано в книге.

Новые художественные взгляды нашего общества, которые вызвали к жизни метод социалистического реализма в искусстве, сложились и развиваются в борьбе с реакционной идеологией. Этот процесс — составная часть идеологической борьбы на современном этапе. Идеологическая реакция, справедливо подчеркивает Н. Шамота, делает ставку на остатки мещанских, обывательских вкусов в нашем обществе, не без оснований рассчитывая на то, что от дурного вкуса ближе к дурному поступку. Вот почему такое огромное значение имеет поставленная партией перед всем нашим искусством задача воспитывать здоровые эстетические вкусы, всячески развивать в людях чувство прекрасного, которое вызывает желание создавать красоту и защищать ее.

Партийность произведения искусства — качество объективное, не зависящее от желания его создателя. В наше время, когда мир разделен на два противоположных лагеря, когда в нем противостоят друг другу две идеологии, художник не может жить в обществе и оставаться нейтральным. Ему, подчеркивает автор, «в конечном счете приходится выбирать между партией капитализма и партией коммунизма, потому что... нельзя не выбирать между партией добра и зла, справедливости и несправедливости, красоты и уродства».

Сама жизнь подтверждает правильность такого вывода. Остается лишь пожалеть о том, что автор изложил его в самом общем виде и не осветил ту сложность, с которой встречаются сегодня честные художники современного Запада при выборе своего пути. Без понимания этой сложности нам не постигнуть многих противоречивых явлений искусства, и наши суждения о таких художниках, как Хемингуэй, Стейнбек, Ремарк, Грэм Грин, Мориак, неизбежно будут односторонними.

Отдельная глава книги посвящена проблеме свободы и необходимости в художественном познании. Н. Шамота убедительно доказывает, что действительная свобода творчества художников неотделима от подлинной свободы исторического творчества масс: чем ближе художник к делу народа — к коммунизму, тем более свободен его талант. Развенчивая мещанско-анархическое толкование свободы творчества, как полной независимости от «стесняющих» законов художественного познания, от «гнета» традиций и реалистического вкуса трудящихся масс, автор говорит об историческом опыте советской литературы: весь он свидетельствует о том, что «те требования и пожелания, с которыми партия обращается к художникам, выражают коренные интересы общества не только в том смысле, что они призывают литературу и искусство служить задачам коммунистического строительства, но и в том, что они полностью отвечают законам художественного познания и, значит, помогают его развитию».

В тесной связи с современностью, с теми изменениями, которые произошли и происходят во всех областях жизни нашего народа, рассматривает Н. Шамота проблемы народности и национального своеобразия литературы. Недопустимо было бы, говорит он, недооценивать черты национального своеобразия советских литератур, равно как и абсолютизировать эти черты, а тем более делать их предметом особого поклонения. Среди традиций наших народов, сказавшихся на формировании их литератур, найдется немало таких, которые возникли в глухую пору невежества и бессилия человека перед природой и волчьими законами жизни эксплуататорского общества. В то же время только в советском обществе получили полное признание лучшие национальные традиции наших народов, рожденные в труде, в борьбе трудящихся за свою свободу, за построение коммунизма. Они-то и есть народные в полном значении этого слова. Следовательно, только такое художественное произведение является народным, которое отстаивает то, что необходимо утверждать в интересах самого народа, и отрицает то, что во имя этих же интересов должно быть разрушено.

Нельзя забывать, что органическим для каждой из наших литератур является не только то особенное, что их отличает, но и общее, что их объединяет, — борьба за коммунизм. Без понимания этого любые разговоры о национальном своеобразии останутся либо в лучшем случае бесплодными, либо нанесут даже ущерб общему делу, которому служат социалистические по содержанию, национальные по форме литературы. Национальное своеобразие литератур социалистического реализма нельзя искать только в их связях с прошлым. Необходимо видеть и понимать то новое, чем обогащает их наша современность и в чем она отражается. «Все мы сойдемся во мнении о том, что, например, «Знаменосцы» А. Гончара, или «Поэма о море» А. Довженко, или «Кровь людская — не водица» М. Стельмаха — яркие произведения украинской литературы. При тщательном анализе этих произведений можно обнаружить такие подробности, детали, которых не было бы, если бы это были не украинские произведения... Но самым главным признаком народности названных произведений, без которого все эти подробности и детали не много значили бы, является отражение в них того, как новое, коммунистическое становится личным, прочно входит в жизнь и привычки простого человека. И оттого, что это новое не только украинское, но и русское, не только русское, но и грузинское, не только грузинское, но свойственно всем советским народам, оно не становится менее украинским и менее органичным для украинской литературы».

Н. Шамота полемизирует с теми, кто, неправильно понимая процесс сближения народов и их культур, высказывает опасение относительно судеб национальной формы искусства. Все дело в том, настаивает он, что общее между культурами тоже не безнационально. Однако остаются и будут оставаться особенности, которые не снимает и не может снять процесс сближения советских литератур, хотя взаимное обогащение этих литератур придает им «такие черты общности, что при всем неповторимом своеобразии каждой все вместе они создают ту новую особенность в мировой литературе, которая выделяет их как единую советскую литературу».

Как видим, круг проблем, затрагиваемых книгой Н. Шамоты, достаточно широк. И пусть не все эти очень сложные проблемы освещены с должной полнотой и всесторонностью, пусть прямолинейность некоторых суждений автора местами сузила его исследовательские возможности — ценность новой книги Н. Шамоты не подлежит сомнению. Автор достиг успеха на главном направлении своих исследований: дал веские, обоснованные и принципиальные ответы на самые важные вопросы, подсказанные сегодня теорией и практикой нашей литературы.

* Н. Шамота. «Художник и народ». Издательство «Советский писатель», 1960.

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ...

Это кафе называется «Хвилинка», что в переводе на русский язык означает «Минутка». Согласитесь, это звучит куда привлекательнее, чем «забегаловка»? Название «Минутка» вполне оправдано — здесь тоже можно быстро перекусить и выпить чашку кофе.

Очень удобно. Не правда ли? И не так уж трудно все это организовать. Нужно только, опять-таки выражаясь языком работников торговли, «позаботиться о потребителе». Но мы предлагаем другие слова — они, пожалуй, больше подходят к тому, о чем мы рассказываем: «это сделано с любовью к людям!».

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ...

А вот еще одно уютное кафе на Крещатике. Оно появилось недели две тому назад и сразу же полюбилось киевлянам. Почему? Потому что и здесь все сделано с любовью к человеку. Так сказать, любовь получилась обоюдная. Привлекательный внешний вид, прозрачные стены из стекла, очень удобная мебель, быстрое обслуживание, вкусные бутерброды.

Теперь о духовной пище. Ее тоже нужно, выражаясь языком работников торговли, «отпускать» с любовью к покупателю. В книжном магазине № 9 очень просторно, хотя само помещение не так уж велико. Просто здесь ликвидированы прилавки. Вдоль стен плотными рядами стоят сотни и тысячи книг: подходите, выбирайте, смотрите и читайте.

В нотном магазине № 20 почти всегда звучит музыка. Метод обслуживания здесь тот же, как и в книжном магазине, о котором мы только что рассказывали. Подбирая нотную литературу, вы можете здесь «проверить» ее: садитесь за рояль и играйте.

Фоторепортаж М. Трахмана

Раздумья у телевизора. Пора, давно пора!

Берусь за перо, чтобы высказать свою активную поддержку положениям, затронутым в статье А. Донатова и А. Леонтьева «Спектакль? Нет, фильм!». Давно и страстно меня привлекает работа для телевидения. В ней я вижу обширные возможности и большой простор для соединения многих художественных средств прозы, драматургии и кино. Да, ограниченности привлекают, а вот практика не влечет. Скука и однообразие новеньких телепостановок, отсутствие выдумки, техническая отсталость (особенно у нас в Ленинграде) заставляют чуждаться телевидения.

Что же такое телепостановка, или, точнее, телефильм? К слову, конечно фильм. Телевидение сродни только кинематографу.

Давно и навсегда утвердилось понятие «экран телевизора», и никому не придет в голову назвать его сценой. Перед нами совершенно новая форма художественного воздействия. Это не театр, потому что театр — прежде всего слово, которое доносит до зрителя актер. Это и не кино, ибо в телевизоре, к примеру, пропадает динамика кадра, которой так славен кинематограф.

Телевизионное представление — это сокровенный, задушевный разговор один на один с человеком, сидящим в затемненной комнате. Искусство телевидения, пожалуй, ближе всего к книге, к процессу чтения. Мне думается, что телевизор не выносит грохота, суеты, обилия музыки. Он требует сосредоточенного внимания, разбудить, обязан будить догадку и фантазию зрителя.

Телефильм! О нем за последнее время стали немало поговаривать. Уже возникла и полноправная студия телефильма, и нужно надеяться, что она будет не одна.

Пора, уже давно пора перейти от слов к делу и начать широко создавать произведения, которые после соответствующего тиражирования могли бы передаваться не только в центре, а и телестудиями периферии, телестудиями за рубежом. И подойти к решению этой задачи следует во всеоружии новых творческих средств, не повторяя задов ни театра, ни кинематографа.

Мне кажется, что из всех литературных жанров, рассказ наиболее близок телевидению. Вне зависимости от того, будет ли он специально написан для телестудии или же пойдет экранизацией. Однако заранее следует сказать, что ничего здесь не должно и отдаленно напоминать радиоинсценировку, где добрую половину текста может прочитать чтец. Для телеэкрана такой прием — паллиатив. Телевидение требует не рассказа, а показа происходящего. Думается, что чуждо телефильму и многословие, которым, увы, так еще страдают многие наши кинокартины. Ему должен быть свойствен сжатый, точный и выразительный диалог, [illegible] в лучших рассказах мастеров этого жанра и советской и мировой литературы. Ему должна быть свойственна психологическая глубокая задумчивость, монолог, с которым актер непосредственно обращается к зрителю, находящемуся от него в двух-трех метрах. Огромное значение приобретает здесь искусство детали, которое в телевизоре может стать более действенным, чем даже в кино. Какая-нибудь догорающая папироса или скомканное письмо с экрана телевизора сумеют сказать больше, чем пространный диалог.

Но все это обязательно должно быть настоящей литературой. И здесь хочется предостеречь энтузиастов нового жанра от легковесного отношения к сценарию, от упования на всеобщую телеспецифику, «специфику», по которой за чистоту себе разо то ждать. Сколько горя принесла эта пресловутая специфика в кино (она живуча там и сейчас!), сколько бродит по экранам иных кинотеатров фильмов, сценарии которых сделаны руками холодных ремесленников!

Только писатель-художник должен привлекаться для создания сценариев телефильмов. Здесь нужны поиски, дерзания, талант.

Конечно, не всякий рассказ может в полную силу зазвучать с экрана телевизора. Так получилось с недавно показанной телепостановкой «Если позовет товарищ...» И объясняется это не только, как указывалось в печати, слабостью сценария (хотя нет сомнений, дело бы обстояло иначе, если бы к созданию сценария был привлечен сам В. Кожевников). Чисто психологический, весь построенный на воспоминаниях о прошлом, рассказ не давал повода для действенного представления. В том же сборнике Кожевникова имелись куда более «телевизионные» рассказы, как, например, «Путь к причалу».

Неисчерпаем для рождающегося жанра кладезь классического рассказа. Мне, кстати, видится, какой выразительной мощи могли бы достигнуть талантливо экранизированные чеховские шедевры «Ванька» или «Спать хочется», рассказы Лескова, Алексея Толстого. Огромна библиотека рассказа, классического и современного. Да и действующая племя рассказчиков не сидит сложа руки. Многие из них, вероятно, с интересом возьмутся за писание фильмов для телевидения. Не всех здесь, знаменито, ждет удача. Будут и срывы (дело новое, дорога не проторена). Но, повторяю, только в том случае телевидение будет избавлено от сценарной ремесленной поделки, если в стены студии придут настоящие художники.

Проблем, связанных с созданием фильмов для телевидения, немало. И пора, уже давно пора их разрешить. Производство телефильмов обязано занять в кинематографе место, достойное его, и те литераторы, которые отдадут свои силы этому новому и нелегкому делу, должны получать не меньшие авторские права, чем драматурги в театре и сценаристы в кино. Телевизор, наравне с кино, становится одним из самых массовых искусств, и ютиться ему на задворках не пристало.

Арк. МИНЧКОВСКИЙ

ЮБИЛЕЙ Б. РАХИМ-ЗАДЕ

Видному таджикскому поэту Боки Рахим-заде исполнилось пятьдесят лет. Правление Союза писателей СССР поздравило писателя с юбилеем и направило в его адрес приветствие, в котором говорится:

«В своих лучших произведениях Вы вдохновенно воспели нашу социалистическую действительность, изобразили героические будни предвоенных пятилеток, бессмертный подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны и славные дела тружеников Таджикистана в послевоенный период. Ваши острые публицистические стихи и задушевная лирика заслуженно пользуются большим успехом у советского читателя.

Трудно переоценить Вашу работу по воспитанию поэтической молодежи. Ваши талантливые переводы поэтических произведений из литератур народов СССР.

В день Вашего славного юбилея от всей души желаем Вам, дорогой Боки Рахим-заде, доброго здоровья, новых и новых творческих успехов на благо нашей социалистической многонациональной советской литературы».

ПОСТРОЙКА РАССКАЗА

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

описать. Это впечатление (по их словам) тем более удивительно, что при ближайшем рассмотрении непропорциональность частей его тела становится очевидной даже неискушенному глазу. Один из лучших английских скульпторов, который недавно ездил смотреть эти статуи, подтвердил мне все, что сейчас было сказано, особенно в отношении ног и бедер, которые слишком длинны и велики по сравнению с верхней частью тела...»

«Итак, если мы тщательно рассмотрим красоты этой фигуры, мы придем к убеждению, что то, что до сих пор считалось невыразимо **прекрасным** в общем виде статуи, обязано тому, что казалось **недостатком** в одной ее части».

Скульптор ставил перед собой ясную задачу — выразить **величие** Аполлона и ради отчетливого выявления этого своего взгляда пошел на нарушение обычных пропорций.

Здесь мы вплотную подходим к важному выводу: цельность и законченность произведения во многом зависят от определенности взгляда автора на предмет, в конечном счете — от определенности художественной задачи, которую он перед собой ставит.

А Лейкину, «безыдейному юмористу бытописателю», как его рекомендует один из его друзей, этой определенности, видимо, недоставало. Он так и не смог преодолеть мещанской пугливости мысли, да и царская «каторжная» цензура изо всех сил давила на его далеко не отважную натуру.

«Случилась беда, — писал он Чехову. — Не будь запасного набора, я не мог бы составить номера. Целый погром. Цензор все захерил... На утро я был вызван в цензурный комитет и председатель Кожухов (он из Москвы) объявил мне, что журнал будет запрещен, если я не переменю направления... Объявил мне также, что начальник главного управления по делам печати вообще против сатирических журналов и не находит, чтобы они были необходимы для публики... От этой передряги я даже слегка заболел: нервы расстроились, лихорадка сделалась, ночи плохо спал, сны тревожные...» Если добавить, что Н. Лейкин «отмечал иногда в своем дневнике странные припадки ощущения беспричинной пугливости, вызывавшиеся неожиданным стуком», — станет ясно, что к его рассказам не следует предъявлять чрезмерных требований.

В связи со сказанным хочу сделать небольшое отступление.

В нашей стране созданы все условия для плодотворной творческой деятельности. Советский писатель творит смело, правдиво, в атмосфере благожелательности и внутренней свободы.

И меня изумляет, когда среди рукописей молодых авторов попадаются рассказы, в которых сквозит робкая недоговоренность, трусливое умалчивание, лукавая полуправда, — словом, тянет густым серным запахом гнездящегося в иных писательских душах «внутреннего редактора», того самого «внутреннего редактора», которого выставил на свет и разоблачил А. Твардовский в прекрасной поэме «За далью — даль».

Читаешь такую «серную» рукопись и видишь: с первых строк молодой автор работает не в полную силу, а на трусливом «ограничителе», опасаясь каких-то мифических, им самим выдуманных «цензоров» и «редакторов». Рассказ получается немощный, но на справедливую оценку автор, как правило, обижается и невразумительно жалуется:

Что где-то кто-то или что-то
Перу помеха моему...

Откуда такое у молодого, не напечатавшего еще ни строчки автора, убей не пойму!

Вернемся к рассказу Лейкина.

Мне кажется, что было бы лучше поместить пятый кусочек несколько позже, вслед за шестым, сразу же после того, как купец договорился с Бобром об условиях игры.

Здесь появление агента играло бы роль «ретардации» (замедления), уместной именно в этом месте, перед началом решительного поединка.

Иные молодые авторы не учитывают того, что всякое возбуждение в душе читателя и чувство, так же как и мысль, требует известного времени для созревания и усвоения. Часто сердобольные авторы торопятся успокоить читателя еще до того, как он испугался.

Для увеличения, так сказать, «протяженности чувствования» и применяется замедление повествования.

В рассказе Ю. Олеши «Цепь» маленький мальчик, от лица которого ведется повествование, выпросил у студента велосипед — покататься, и потерял передаточную цепь.

«Так произошло несчастье.
И мне представляется:

...Я возвращаюсь на дачу как ни в чем не бывало. Я привожу пришедший в негодность велосипед и прислоняю его к борту веранды. Пьют чай: папа, мама, Вера и студент Орлов. К чаю дан пирог со сливами. Это плоский сиреневый круг. Мы сидим напротив друг друга: я и студент Орлов. Ситуация такая: у студента был велосипед и я этот велосипед испортил... Наступает вечер. Так я представляю себе: наступает вечер, приносят лампу, у мамы на груди, на стеклярусе, образуется лунная дорога. Студент встает, говорит:

— Я поехал.
Идет к велосипеду.
Потом гробовая тишина».

Часто впечатление ретардации достигается перестановкой внутри рассказа, как в разбираемом нами тексте.

В связи с этим хочу заметить, что многие наши современные рассказы композиционно построены чрезвычайно однообразно. Изложение, как правило, послушно следует за хронологией происходящих событий. И почему-то редкий автор отваживается нарушить чинный ход повествования, сместив, например, хронологию — прием, которым Пушкин в «Выстреле» и «Метели» делал рассказ более динамичным и острым.

Мы подходим к концу нашего разбора. В седьмом кусочке рассказа описана игра, а последний, восьмой, представляет собой самую действенную часть рассказа — событие, ради которого автор и взялся за перо.

Но как невыразительно записано это событие! Как оно информационно-торопливо, неразвернуто, как оно тускло даже по сравнению с тем, что может подсказать разбуженное воображение читателя, как бессмысленно восклицание Бобра, до того дурковатов, что сомневаешься, действительно ли он способен выигрывать в шашки.

Все семь предыдущих разделов явились как бы подготовкой к главному, основному событию — и вот, гора родила мышь, — и весь рассказ отмечен печатью незавершенности.

Не могу удержаться, чтобы снова, по контрасту, не вспомнить гоголевской «Шинели». Посмотрите, как широко, полифонически развернул и разработал Гоголь основное событие: тут и самая, пожалуй, яркая драматическая сцена повести — визит Акакия Акакиевича к «значительному лицу», и болезнь Акакия Акакиевича, и смерть его, и то, что случилось после смерти, и запоздалое раскаяние «значительного лица». Активная сила тщательно мотивированного события оказалась такой действенной, что граф Строганов, прочтя гоголевскую повесть, проговорил: «Это привидение на мосту тащит просто с каждого из нас шинель с плеч».

Итак, событие, рассказанное в «Шашечном игроке», скомкано и не производит никакого впечатления.

Я, конечно, не требую, чтобы оно было выписано длинней. В рассказе Чехова «Смерть чиновника» изложение события занимает одну строчку (Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер) и своей неожиданной краткостью вызывает отчетливый комический эффект, то есть ту реакцию, на которую рассчитывал автор, желавший, чтобы читатель вместе с ним осмеял рабскую натуру Червякова, переусердствовавшего даже в самом раболепии.

Пассивность восприятия события, описанного в «Шашечном игроке», объясняется тем, что сам автор то ли не знает, то ли боится показать, как его следует воспринимать — кого из персонажей любить, кого ненавидеть. И мы опять возвращаемся к тому, с чего начали, — к определению идейной позиции автора*.

Нечеткостью идейной оценки события определена и аморфность всей мотивировочной части рассказа.

Один из наших писателей-рассказчиков говорил мне как-то, что ему иногда удобней отрабатывать в первую очередь конец рассказа, то есть основное событие, а потом писать все остальное.

В этом есть смысл. Событие, наиболее активная и действенная часть рассказа, определяет, говоря словами Гоголя, «внутренний дух всего сочинения», особенно требует четкой позиции автора и идейной ясности.

В заключение хочу поделиться опытом. Я стараюсь воспитывать в себе ощущение цельности, законченности, гармонии произведений искусства не только путем чтения образцовых романов и рассказов. Я уверен, что постоянное ознакомление с музыкой, живописью, архитектурой приносит в этом отношении неоценимую пользу.

И если молодой писатель ко всему этому приложит талант и труд, — все будет в порядке.

М. ЧАРНЫЙ

* Сравните, как сочно передает похожую ситуацию безвестный крестьянин-сказочник, которому нет нужды скрывать свои симпатии и антипатии.

И спрашивает барин у кучера:
— Что тяжельше: тарантас везти или хомуты нести?..
И говорит кучер:
— Конечно, сами знаете, лошадь идет в тарантасе, так никогда не вспотеет, а под хомутом все мокро. Так как хомут не тяжельше?
— Так неси, кучер, ты хомуты, а я тарантас повезу: я тяжелого не могу нести.
Надел кучер на обе руки по хомуту и легошенько пошел, а барин так и нагибается, тарантас тащит, так что даже пот со всего полил. Отстал барин от кучера из виду вон и закричал:
— Подожди, подожди!
Остановился кучер и ждет барина. Подвез барин тарантас и говорит:
— Клади-ка хомуты в тарантас, да повезем вместе.
Кучер положил хомуты в тарантас, да лишь сунул в колесы по стягу, а сам пихал лениво. Барин понатужился, — не может с места сдернуть.
— Нет, — говорит, — возьми ты хомуты, а я опять тарантас повезу.

ЛЕТО ЛЕТАЮЩИХ

Возможно ли в наши дни, в дни полета ракеты на Луну и запуска космических кораблей, с увлечением рассказывать и читать о запуске... бумажного змея?

Возможно, оказывается, возможно. В этом убеждает нас повесть «Лето летающих»*. Ее автор — талантливый писатель Николай Москвин, которому только что исполнилось шестьдесят лет. Повестью подтверждается старая истина, что самым волнующим во всех делах человеческих — от самых мелких до самых больших — является движение души человеческой.

Москвин рассказал о том, как два мальчика, Костя и Мишка, с Николо-Завальской улицы в губернском городе Т., увлекались запуском бумажного змея, как они терпели неудачи, страдали, изобретали.

Москвин сделал это поэтически, воссоздав образы мальчиков, их переживания и быт, их окружающий, с той непосредственностью искусства, которое воздействует на все возрасты.

Легкими, но точными штрихами дает автор социальный фон предреволюционного российского города с колокольнями, заборами, приземистыми трактирами, с выжившей из ума от безделья генеральшей, с уволенным за вольнодумство рабочим, с учителем-самодуром, издевающимся над гимназистами. Костя и Мишка все видят и понимают гораздо больше, чем о том догадываются родители.

Они понимают, что генеральша, которая приказала подрезать креслу ножки, чтобы кошке Мими легче было на него вспрыгнуть, и превратила прекрасное ампирное кресло в кресло-жабу, сама не лучше жабы. Они оценили достоинство столяра Графина Стаканыча, который отказался губить хорошие вещи. «Я, матушка-барыня, краснодеревщик, а не мясник-с! Тому что ни скажи — огрубит. А у нас, извиняюсь, совесть есть. Я за такую работу и никаких-с денег не возьму».

Мальчики уже знают и о тяжелом положении рабочего, который может остаться без работы. Превосходен эпизод, когда они задумываются над тем, как помочь столяру. «— Погоди! У нас один стул шатается! — вдруг вспомнил Костя. — Из четырех винтов три осталось... Я могу третий вынуть, — великодушно добавил он.

— А у нас у дивана спинка отходит! — радостно вспомнил и я. — И даже скрипит, когда дядя Саша садится... Если диван от стены подальше отодвинуть, — не менее великодушно, чем Костя, добавил я, — то спинка под дядей Сашей побольше отойдет. Может, даже и треснет...»

Улыбка взрослого, любующегося детьми, нисколько не нарушает реалистического хода повествования.

Очень хорошо переданы автором неутомимое стремление мальчиков к новым достижениям, их поиски все лучших форм змея, восторг управления полетом. Здесь много отличных деталей. Поэзия детского чувствования превращает бумажного змея с желтым мочальным хвостом почти в живое существо, в дитя ветра и поднебесья.

Но дело не только в обаятельной детскости героев. Москвин проводит серьезную мысль о традициях русской рабочей среды. Отец Кости, мастер Оружейного завода, беспрерывно «ставит опыты». Он изобретает необыкновенное охотничье ружье. И Костька, который вырастае в атмосфере изобретений и поисков, сам начинает «ставить опыты». Читатель с интересом следит за развитием Костькиной мысли, за тем, как он пробует змея с укороченной средней путой, с лентами-свистунами, наконец, змея, который должен поднять в воздух живое существо — собачку Кутьку.

Таким образом, уже вошедшая в историю завоевания космоса славная Лайка, оказывается, имела свою предшественницу в лице Кутьки с Николо-Завальской улицы.

Нет, совершенно не скучно читать повесть Ник. Москвина о бумажных змеях. С победой революции для миллионов пытливых Мишек и Костей открылись школы, Дома пионеров, университеты. Что же удивительного, что от бумажных змеев на пятикопеечных нитках они перешли к космическим кораблям, которые по точно заданному маршруту пересекают сотни тысяч километров.

М. ЧАРНЫЙ

* Н. Москвин. «Лето летающих». Повесть. Детгиз.

ОСЛЫ И СЛОНЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

И на сумке надпись: «Америка нуждается в Никсоне».

Дама вербует «агитаторов». Если вы хотите помочь протолкнуть г-на Никсона в Белый дом — заполните анкетку. Надо только проставить имя, адрес и подчеркнуть следом за словами «я бы хотел...» одно из следующих заранее известных ваших желаний: продавать значки в уличном киоске, распространять предвыборные брошюры, ходить по домам «от двери к двери», подготавливать митинги, посещать домашние вечеринки, организовывать кружки среди соседей, расклеивать афиши. Как видите, дело не пускается на губительный самотек, и агитация за кандидатов ведется даже вокруг яблочного пирога на семейной вечеринке.

Только что вы отошли от дамы, как вам уже сунули в руку листовку: «Дайте мне по десять минут в течение нескольких дней, и я научу вас, как мы, демократы, можем завоевать Нью-Йорк для Кеннеди и Джонсона».

Во-первых, кому это «мне»? Оказывается, некоему Прендергасту, одному из боссов политической рекламы демократов. Во-вторых, как? Очень просто: надо, чтобы каждый сторонник Кеннеди убедил хотя бы еще одного избирателя зарегистрироваться голосующим за список демократов.

Но г-н Прендергаст предупреждает, что регистрировать надо не всех. Пригоден тот, кому исполнился 21 год, кто при этом живет в штате Нью-Йорк не меньше года, а в самом Нью-Йорке — не менее 4 месяцев. Кроме того, он должен доказать свою грамотность справкой об окончании или о посещении учебного заведения. Если справки нет, пусть держит специальный экзамен — без этого он не имеет права голоса.

Снова «агитпункт», где в витрине — все что угодно для улавливаемой души избирателя. Металлические кружки с выгравированными портретами. Посмотришь прямо — Никсон, взглянешь сбоку — Лодж (странно, что рационализация не доведена до конца: перевернул — Кеннеди, скосил глаз — Джонсон). Кошелек для ключей с золотой вязью: «Дайте Никсону ключ от Белого дома». Спички «Никсон». Пудреница «Никсон». Брошь с буквами из фальшивых бриллиантов, образующих все то же оскомину набившее имя.

Но что это? Мне протягивают листовку с фотографией: Никита Сергеевич разговаривает с Никсоном. Снято на американской выставке в Москве. Подпись: «Никсон храбро заявляет о своей позиции и стоит на своем». И такая же фотография на огромном плакате, занявшем полстены в «агитпункте». Там уже прямо утверждается, что Никсон — это тот человек, который сможет переспорить Хрущева...

У каждого народа свои традиции. Дело американцев — как выбирать и кого выбирать. Но разве за всей этой рекламной шумихой, за криками зазывал, за блеском и позолотой сувенирных безделушек не чувствуется желание боссов политической кампании отвлечь внимание людей от главных политических проблем? Говорят, что демократы в своих предвыборных выступлениях более трезво и критически оценивают политику США. Если не на деле, то во всяком случае на словах они занимают более умеренную позицию в вопросах, чреватых угрозой войны.

Я не видел торжественного парада в честь Кеннеди в Нью-Йорке: он происходил в нижней части Бродвея, а ограничительная виза запрещает мне там показываться. Но, судя по газетам и словам мэра Вагнера, Нью-Йорк давно не удостаивал никого таким восторженным приемом. Не означает ли это, что политика республиканского правительства, которое критикует Кеннеди, далеко не так популярна, как утверждает в своих речах г-н Никсон?

Позвольте в заключение продолжить рассказ о событиях, с которыми я немного ознакомил читателя в прошлой корреспонденции. Речь шла о том, что г-н Лодж пообещал в случае победы Никсона предоставить пост министра представителю черной расы. Это заявление взволновало умы. Прежде всего забеспокоился сам г-н Никсон. Он спешно назначил свидание Лоджу. После этого г-н Лодж сказал, что его неправильно поняли. Он не давал обещаний, а лишь высказывался о желательности предоставления министерского поста негру.

Но тут почувствовали себя задетыми репортеры. Они заявили, что ясно слышали то, о чем написали в газетах. Тогда господин Лодж стал говорить, что никто, кроме президента, не может давать твердых обязательств о назначении министров. Репортеры — тотчас к г-ну Никсону. А у того щекотливое положение.

Прямо сказать «нет» — значит оттолкнуть избирателей-негров. Прямо сказать «да» — значит рискнуть голосами расистов Юга. И г-н Никсон отвечает на все вопросы:

— Если меня выберут, я буду назначать министрами лучших мужчин и женщин.

Туманно, ах как все туманно... Но, по-видимому, этого и хочет г-н Никсон.

НЬЮ-ЙОРК, 24 октября. (По телеграфу)

РИЧАРД НИКСОН И ПАНТАЛОНЫ

В предвыборный цирк в США втянуты и дети! Рекламная «нашлепка» на штанишках этой маленькой американки взывает к избирателям: «Нашей нации нужен Ричард Никсон». Мягко говоря, весьма своеобразная агитация за кандидата в президенты!

Снимок из норвежской газеты «Фрихетен»

ДИАГРАММА ГЛУПОСТИ

Daily Mail

За несколько дней до начала исторической XV сессии Генеральной Ассамблеи Англия объявила, что в случае войны с СССР королевские военно-воздушные силы составят ударную группу первого эшелона. Этой чести английские генералы добивались почти десять лет. Десять лет народные деньги бросались на ветер — вернее, на фантастические проекты ультрабомбардировщиков и сверхракет.

Буржуазная газета «Дейли мейл» подводит своеобразный итог этому десятилетию. Оговоримся сразу. Газета отнюдь не против НАТО, ракет и вооружений. Она просто ратует за умелое использование военных ассигнований. Однако ее «благонамеренная критика» дает наглядное представление о том, как дорого обходится рядовому англичанину стремление правящих классов страны занимать ведущее место в НАТО.

Итак, перед нами опубликованная газетой «Дейли мейл» «Диаграмма глупости, или как были пущены на ветер 313 миллионов фунтов стерлингов».

Слева — проекты военных самолетов и ракет, которые так и не увидели свет. Пущено на ветер 313 миллионов.

Справа — некоторые цифры расходов на вооружение:

Каждая английская семья из трех человек вынуждена отдавать на вооружение еженедельно более 12 шиллингов. По военным расходам на душу населения Англия занимает третье место в мире — после Франции и США. Правительство пытается дезинформировать народ об истинных размерах стоимости неосуществленных проектов — министр Сандис в докладе парламенту назвал цифру в 55 миллионов, когда только один проект истребителя «Свифт» обошелся в 34 миллиона.

И наконец в центре — что можно было бы сделать на эти «выброшенные» миллионы:

Построить 50 больниц на 600 коек каждая. Построить 200 школ на 600 учеников каждая. Проложить 4 автострады по 100 километров каждая...

К сожалению, газета не догадалась подсчитать, сколько больниц, школ и дорог можно было бы построить на те 13,5 миллиарда фунтов, которые истрачены на военные приготовления за 10 лет. Не задумался над этим и премьер-министр Макмиллан, выступая в поддержку американского предложения о контроле над вооружением без разоружения. А зря. Английский народ с радостью бы сбросил со своих плеч бремя военных расходов. Об этом красноречиво говорит резолюция конференции лейбористов в Скарборо — английские рабочие проголосовали против НАТО и за отказ от атомного оружия.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

«Куба вдохнула новые силы»

Мы пришли к известному венесуэльскому поэту, сенатору Карлосу Аугусто Леону в довольно ранний утренний час. Нас встретил моложавого вида человек, скромно одетый, небольшого роста, со спокойными и простыми манерами и мягким, добрым взглядом карих глаз. Замечательный патриот, прошедший суровую школу жизни, поэт, нашедший поэзию «на дне людских страданий», — таков Карлос Аугусто Леон.

Разговор заходит о том, что увидел посланец далекой Венесуэлы в нашей стране.

— Чтобы правильно понять Советский Союз, — говорит он, — надо рассматривать его в движении, в динамике развития. Тогда объективный человек, прибывший в Самарканд с Запада и с любопытством взирающий на древний ханский дворец и мечеть, свидетельствующие о былой славе великого Тамерлана, обязательно увидит тут же рядом окружающую их цветущую и благоухающую новую жизнь, обязательно ощутит ее тонкий и могучий аромат.

Слушая чудесные грузинские песни, грустные и несколько меланхолические, напоминающие о печальном прошлом многострадального народа, он с еще большей силой ощутит счастье сегодняшней Грузии.

А тому, кто приедет в Советский Союз с нечистой совестью и злыми намерениями, кто будет лазить по чердакам и подвалам, ничего не остается, как, найдя, наконец, «нечто», попытаться раздуть это «нечто» до фантастических размеров. Впрочем, иногда и маленький факт может приобрести огромное символическое значение. В древней столице Грузии — Мцхете я побывал в гостях у известного садовода Михаила Мамулашвили. Меня охватило сильное волнение, когда рядом с местными грузинскими цветами я увидел цветы моей далекой родины...

— Каковы ваши творческие планы? — спросили мы К. А. Леона.

— По возвращении домой, — отвечает он, — хочу завершить книгу «Эта страна — наша!». Стихи, которые войдут в эту книгу, посвящаются борьбе нашего народа за то, чтобы стать подлинным хозяином своей земли. О Венесуэле часто говорят, как об очень богатой стране, шумят о «нефтяной эре» Венесуэлы. Да, наша страна богата, в ее недрах много нефти, железа. Однако не венесуэльский народ пользуется этими богатствами. Наша нефть потоком чистого золота перекачивается в банки иностранных трестов, главным образом монополий США...

Хочу также начать новую книгу в прозе, содержание которой будет связано с историей капитализма до наших дней. При капитализме все становится товаром: и обувь, и пушки, и идеи. Для того чтобы сбыть эти товары, нужна реклама. Она становится еще нужнее, когда товары залеживаются. Реклама, — иными словами, пропаганда. Навязываемые длительное время западными державами, главным образом США, «культура и цивилизация» служат лишь одной цели — прикрытию и приукрашению грязных дел монополий.

История, особенно современная, отчетливо показывает, что «цивилизаторская и культурная миссия» западных держав в слаборазвитых странах не только не привела к улучшению положения в этих странах, но, наоборот, ухудшила его. Все большее отвращение нашего народа, наших деятелей культуры вызывают североамериканские литература и искусство, проповедующие примитивизм и индивидуализм, насилие и жажду наживы, разжигающие грубые животные инстинкты человека, — и все это с целью его развращения и духовного порабощения. Мы стремимся оградить наши национальные литературу и искусство от тлетворного влияния этой пресловутой культуры. Отвергая ее, мы воздаем должное другой американской культуре, прогрессивной и реалистичной по духу.

В то же время наши взоры все более и более обращаются к новому миру, откуда еще на заре XX века прозвучали на весь мир слова великого писателя Горького: «Человек — это звучит гордо!» и несколько позднее великого поэта Маяковского: «Ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь!»

Мы, латиноамериканцы, глубоко благодарны Советскому Союзу за его решительную и последовательную позицию поддержки наших народов в борьбе за национальную независимость и свободу. Именно твердая позиция Советского правительства не дала до сих пор возможности агрессивным кругам США развязать интервенцию против героического кубинского народа. Куба стала великим вдохновляющим примером. Она вдохнула новые силы.

Среди наших деятелей культуры говорят: «Скажи, что ты думаешь о Кубе, и я скажу, кто ты». Очень хочется писать о Кубе.

— Как видите, планов у меня много, — сказал в заключение нашей беседы Леон. — К сожалению, мои обязанности сенатора оставляют мне слишком мало времени для творческой работы. Но я все-таки твердо намерен реализовать свои замыслы.

Ю. ЮРЬЕВ

ИГРА С ОГНЕМ

Франтишек КУБКА, чешский писатель

В совместном заявлении правительств ГДР, Польши, СССР и Чехословакии о возрастающей угрозе миру со стороны западногерманских реваншистов и милитаристов есть слова «игра с огнем».

«Игра с огнем» — так назвала чешская писательница Мария Пуйманова свой роман о страшных временах, наступивших в Чехословакии и всей Европе с приходом к власти немецкого фашизма. Мария Пуйманова рассказывает о пожаре рейхстага, о Германии, которая с молчаливого, но безоговорочного согласия правительств Запада лихорадочно вооружалась, об англо-франко-американской политике, выдавшей фашистскому агрессору «пропуск на Восток», о страданиях чехословацкого народа.

С бесстыдным равнодушием игнорируя судьбы своих народов, поддерживали тогда правительства Франции, Англии и США растущую экспансию немецкого и итальянского фашизма. Они отдали фашизму Австрию; запродали ему в Мюнхене Чехословакию. Они были убеждены, что служат таким образом «святому» делу капитализма. Результат не замедлил сказаться в кровавых отсветах второй мировой войны.

Прошло каких-нибудь двадцать лет со дня одного из самых ужасных воздушных налетов на Англию, а на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке преемник Невилла Чемберлена мистер Макмиллан позволил себе перед лицом очевидцев и участников опустошительной войны лицемерно утверждать, что аденауэровская Германия — это нечто совсем иное, нежели гитлеровская «Третья империя», что она вполне имеет право на вооружение. Напряженность в Европе вызывают, дескать, вовсе не боннские реваншисты, а те, кто указывает на них и предостерегает. Точь-в-точь, как в гитлеровские времена: виновен не убийца, а убитый; поджигатель войны не тот, кто нападает, а его жертва.

Лорд Хьюм, министр иностранных дел Англии, в молодости был секретарем Чемберлена. Разве это не символично? Политика Великобритании в канун второй мировой войны и ныне, когда Западная Германия рвется в третий раз за наше столетие развязать войну, удивительно совпадает.

Люди слишком хорошо помнят, что значили для простого человека первая и вторая мировые войны. Простой человек хочет разоружения и мира, готов согласиться с каждым, кто без обиняков примет разоружение и мир, а значит, он — с Советским Союзом!

Английская королева могла позволить себе роскошь любезно принимать президента Западной Германии в Букингемском дворце. Но лондонские улицы, по которым ехал гость, оставались безлюдными. Зато они были полны народа, когда по ним ехал Никита Хрущев.

Господин Макмиллан был, пожалуй, самым велеречивым оратором на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН из тех, кто пытался обелить боннских правителей. Он говорил о мире теми же словами, что употреблял в 1938 году Невилл Чемберлен. И его правительство вместе с правительством США несет такую же ответственность, какая пала на правительства Великобритании и США перед второй мировой войной, — ответственность за стремительный рост милитаризма и гонку вооружения на Рейне. Эти правительства снабжают долларами и фунтами рурских магнатов, боннских генералов и реваншистских политиков. Они надеются превратить западных немцев в наемных солдат, которые будут не только оберегать капитализм, но и поддержат его могущество там, где оно пошатнулось.

Боннские правители рисуют себе такой план осуществления заказов американских монополий и их стальных и атомных сателлитов в Европе: объявляется всеобщая воинская повинность, бундесвер вооружается ракетным и ядерным оружием, строится новый военный флот в Северном, а главное — в Балтийском морях. Испытанным методом провокаций будет вызван конфликт с ГДР, которая затем без лишних слов «присоединяется» или оккупируется. Новое гестапо подрубит социализм под корень. Любыми способами отторгнут пограничные районы у Чехословакии, уничтожат границу по Одеру и Нейсе — поляки потеряют Силезию, а потом и всю страну. Немецкий бундесвер, вооруженный ракетами и ядерными бомбами, перебьет чехов, словаков и поляков, сметет с лица земли города Украины и России. Сапог немецкого солдата уже на Урале! Социализм с помощью немецкого бога будет искоренен...

Господин Макмиллан скажет, пожалуй, что это пропагандистское запугивание. Но действительность подтверждает такую угрозу. Это вовсе не пропаганда, а правда об устремлениях боннских милитаристов.

Правительство Аденауэра отравляет молодежь духом реваншизма и милитаризма еще со школьной скамьи. Оно поддерживает сборища гитлеровских ветеранов, всяческие фашистские манифестации, разжигающие чувство мести за вполне заслуженное поражение.

Все больше распространяются в ФРГ шовинизм и национализм, в то время как сторонники мира, демократии и социализма преследуются. Аденауэр запретил коммунистическую партию, как это сделал когда-то Гитлер. Германия канцлера Аденауэра, вице-канцлера Эрхарда, министра Зеебома, генерала Шпейделя и прочих оберлендеров — единственная страна в Европе, которая открыто включила в свою программу захват чужих земель.

Как раз в дни, когда было опубликовано заявление четырех социалистических государств, в западногерманском городе Лимбурге состоялась встреча нацистов — участников битвы под Сталинградом. Некто господин Кислинг призывал быть готовыми к «защите свободы» с помощью атомного оружия. А христианско-демократическая партия Аденауэра послала приветствие этим нацистам, «защитникам свободы» с помощью атомного оружия!

Президент Чехословацкой Социалистической Республики Антонин Новотный, выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, говорил об опасности, грозящей миру со стороны Германии Аденауэра. Наш президент говорил от имени страны, которая первой была оккупирована гитлеровцами.

Перед всем миром наша страна протестует против западногерманского «меморандума генералов», против провокационных речей и пограничных инцидентов, нарушающих покой Чехословакии. Вместе с тем мы клеймим тех, кто играет с огнем, кто оправдывает воинственного партнера в западноевропейских и заокеанских кабинетах. Клеймим госдепартамент и Пентагон, для которых милитаристы из Западной Германии первые друзья.

Но в выступлениях президента Чехословакии, в заявлении четырех правительств нет чувства страха перед Германией Аденауэра. Эти страны обладают достаточными средствами, чтобы дать сокрушительный отпор любому агрессору. Генералы армии, которая была бита за последние десятилетия дважды, причем бита так, что только пух летел, не должны забывать, куда они пытаются лезть снова. Мы не угрожаем им. И не стремимся к тому, чтобы нести атомную смерть жителям Западной Германии. Но мы заняты строительством социализма и не потерпим, чтобы кто-либо вставлял нам палки в колеса. Мы хотим жить и желаем другим жить, как им нравится.

Но мы не позволим, чтобы нам угрожали. Мы считаем недопустимым, когда оружие вкладывается в руки немецких убийц. Мы не потерпим, чтобы Западный Берлин и дальше оставался рассадником шпионажа, диверсий и беспокойства. Мы за всеобщее разоружение, за то, чтобы быстрее заключить мирный договор с обоими немецкими государствами.

Мы хотим спокойствия на наших западных границах. Спокойствие на остальных границах обеспечивается союзом с ГДР, Польшей и Советским Союзом. Они, как и наш пятый сосед — Венгрия, — активные участники лагеря мира.

В чешской литературе, особенно в поэтической лирике, есть немало стихов обманутых надежд, скорби и горя. Они сложены чешскими поэтами в дни Мюнхена, когда «друзья и союзники» с Запада бросили нас на съедение волкам, лишь бы сохранить свою собственную шкуру. Так было, но так больше не будет никогда. История показала: кто играет с огнем, сам сгорит...

ПРАГА, 24 октября.

Когда в гостях русские...

Письмо из Амстердама

Симфонический оркестр Ленинградской филармонии гастролирует по Европе. Он побывал в Англии, Бельгии, Франции, Голландии, Италии. Голландский писатель Тойн де Фриз рассказывает читателям «Литературной газеты», как проходили в Голландии концерты прославленного музыкального коллектива.

ТОЙН ДЕ ФРИЗ, голландский писатель

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

— ...Что Вы имеете в виду? Ах, приезд оркестра Ленинградской филармонии! Значит, это стало выдающимся для Нидерландов событием?

— Да, по крайней мере для Амстердама и Гааги, где выступали ленинградцы. Но Вам же доводится слушать у себя немало иностранных музыкантов?

— Разумеется, но на этот раз все было не так, как всегда: мы познакомились с одним из лучших в мире оркестров, с дирижерами большой музыкальной культуры и, наконец, с совершенно новым для нас исполнительским стилем.

— Так расскажите же об этом!

ПЕРЕД КОНЦЕРТАМИ

Судя по первым признакам, приезд к нам оркестра Ленинградской филармонии в начале октября должен был, откровенно говоря, произойти в довольно критический момент. Советская Декларация о немедленной ликвидации колониального режима была встречена в нидерландской буржуазной прессе приливной волной «холодной войны». Наши «обычно осведомленные источники» стали даже высказывать сомнение, придет ли вообще публика (о, разумеется, преимущественно буржуазная публика!) на концерты ленинградцев.

И все же, как только первые ленинградские музыканты во главе с молодым дирижером Геннадием Рождественским прибыли в Гаагу, журналисты сразу же набросились на них. Но что это? У этих русских (ничего не скажешь!) вполне приличный, культурный вид. Дирижер, как и все остальные музыканты, был в совершенно обычной одежде и даже в спортивной клетчатой рубашке. Он очень хорошо говорил по-английски. Он не старался уклоняться от вопросов. Когда его спросили, явно намекая на мнимую «большевистскую строгость», правда ли, что в оркестре приходится поддерживать ужасающую дисциплину, он очень непринужденно ответил: «Разумеется, мы дисциплинированы. Наш замечательный дирижер Евгений Мравинский воспитал из нас крепкий коллектив». Журналист продолжал допытываться (ведь должно же было что-нибудь дурное крыться за этой дисциплиной): «А что у вас бывает, если работник оркестра опаздывает на репетицию?» Такой вопрос удивил Геннадия Рождественского: «Опаздывает на репетицию? Но у нас никто не опаздывает, для этого у каждого из нас слишком развито чувство ответственности».

Спор о дисциплине должен был вскоре, причем совершенно исчерпывающе, разрешиться на самой концертной эстраде. Вопросов на эту тему Рождественскому больше не задавали. Зато для наступления было использовано другого рода оружие, — ведь надо же было лишний раз доказать этим русским, что они, по «нашему» мнению, живут в отрыве от цивилизованного мира. И раздался вопрос: «Вы исполняете Гершвина?» (Между прочим, до чего же глупый вопрос, — как будто американский композитор Гершвин, неплохой композитор, показателен для современной оркестровой культуры.) Разумеется, Рождественскому следовало бы ответить: «Мы такого не знаем и не исполняем». Но вместо этого он сказал: «Конечно. Не так давно мы исполняли «Американца в Париже», а совсем недавно под моим управлением на пластинку была записана «Голубая рапсодия».

Журналисты напоминали попавших впросак щенков. Ох, уж эти русские — от них только и жди сюрпризов! А тут еще молодой дирижер добавляет: «Может быть, вам интересно будет узнать, что во время второй мировой войны в Москве ставилась опера «Порги и Бесс». — «Как? — сразу же раздается вопрос, — в исполнении чернокожих?» — «Нет, нет, — отвечает Рождественский, — разумеется, в исполнении наших артистов». — «Значит, в исполнении белых?» — «Да, в исполнении белых».

Что ж, попытаемся атаковать с другого фланга, решают журналисты. «А Стравинский, господин Рождественский. Как у вас относятся к Стравинскому?» — «Неплохо, — отвечает дирижер. — Я исполняю его произведения — «Весну священную», «Петрушку»... Вообще оркестр Ленинградской филармонии играет современных западных композиторов: Хиндемита, Альбана Берга...» — «Да, но ведь Альбан Берг представитель двенадцатитоновой системы, а, насколько нам это известно, она у вас подвергнута опале!» На это следует спокойный и исчерпывающий ответ: «Двенадцатитоновая система возможна. Но вопрос ведь только в том, музыка это или нет. Что же касается Альбана Берга, то он писал хорошую музыку, поэтому мы его и играем».

Так заходит речь о модернизме. Голландские журналисты немало могли бы рассказать о нем, — ведь у нас проводятся любые эксперименты в области музыки — от самых необычных до самых отвратительных. И в этом отношении нам, конечно, нечем гордиться, даже если мы и позволяем претворять эти эксперименты в жизнь нашему превосходному «Консертхебау» — оркестру. «А как относятся русские к электронной музыке?» — «Мы о ней не очень высокого мнения». — «А к экспериментам в целом?» — «Если они не ведут к подавлению духовного начала, — с большим интересом».

И внезапно молодой дирижер переходит в наступление. Модернизм — это очень мило и интересно, но он не должен выливаться в несправедливость. И голландцы внимательно слушают то, что говорит им Геннадий Рождественский: «В Париже определенная часть газет писала, что концерт для виолончели с оркестром Прокофьева — это не музыка! Что вы на это скажете? Концерт для виолончели, да еще в исполнении Ростроповича! Тут уж только удивляться приходится... И Третья симфония Рахманинова, по мнению этих знатоков из Парижа, тоже не музыка. Вам когда-нибудь приходилось слышать подобную чепуху? Просто не знаешь, что и сказать!»

Но тут, наконец, не нашли что сказать и гаагские корреспонденты, так как, по-видимому, некоторые из них, хорошо знакомые с новейшими изломами электронной музыки, никогда еще не слыхали о концерте для виолончели Прокофьева, а, возможно, заодно и о Ростроповиче. (Последнее легко исправить: его выступления обещаны нам в ноябре.) Поэтому мы прекращаем расспросы и решаем дожидаться ответа в форме концертного выступления.

В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ

Тот, кого можно назвать подлинным главнокомандующим ленинградских музыкантов, — Евгений Мравинский, несмотря на проведенные им только что три утомительных концерта в Париже, дирижировал оркестром Ленинградской филармонии в Гааге с поразительным подъемом. Были исполнены Пятая симфония Чайковского и Пятая симфония Шостаковича. Атмосфера сомнений, политических антипатий или неведения, принесенная в концертный зал гаагской публикой (одной из самых сдержанных в Западной Европе), развеялась в течение первых же нескольких минут. Слушатели были восхищены и покорены; по окончании концерта они устроили руководителю оркестра и его музыкантской армии продолжительную овацию. И при всем том, это была публика, действительно избалованная хорошим исполнением и хорошими солистами.

Евгений Мравинский стал для нас откровением. Он, пишет один из критиков, «превратил музыку в единый поток сильных и поэтических контрастов». «Он как бы раздвинул пространство, — пишет другой критик. — Музыка воспринималась уже как некое явление природы».

Приведу еще выдержку из рецензии видной амстердамской газеты («Хет алгемеен ханделсблад»):

«Подобные переживания незабываемы. Они потрясают до глубины души благодаря той простоте и полной отдаче всего себя, из которых рождаются чувство и форма. Ведь особенность Мравинского заключается в том, что музыка как бы заново создается в момент ее воспроизведения. Художник, который способен это осуществить, не приводит себя в состояние экстаза; он подобен архитектору, возвышающему материю до уровня произведения искусства, поражающего своей красотой.

Мы не знаем, насколько высоко или низко расценивается в идеологии наших русских гостей понятие «душа». Ведь исторический материализм (!) по своему характеру едва ли уделяет много места такому «туманному» феномену. Однако исполнение Мравинского зиждется, согласно нашим западным представлениям, на большой душевной силе, и весь Ленинградский симфонический оркестр превращается под его управлением в медиум, с потрясающей откровенностью раскрывающий перед нами этот источник силы».

...В Амстердаме концертом ленинградцев дирижировал Геннадий Рождественский. Исполнялись Четвертая симфония Чайковского, несколько частей из балетной сюиты Прокофьева «Ромео и Джульетта» и, в заключение, «Франческа да Римини» Чайковского. Энтузиазм амстердамцев достиг небывалых размеров. Когда разразилась овация после исполнения симфонии Чайковского, я заметил лишь двух человек, по всей вероятности твердо решивших не дать совратить себя советским музыкантам; они не аплодировали и сохраняли мрачный вид. Тем сильнее аплодировали остальные. Слышались крики «браво», а некоторые даже подбегали к эстраде, что у нас является новшеством и почти не принято.

ВМЕСТО ПОСТСКРИПТУМА

Если призадуматься над этим, то начинаешь испытывать чувство стыда за то, что оркестр Ленинградской филармонии только теперь, спустя пятнадцать лет после окончания войны, — притом с какими трудностями! — был приглашен к нам. И снова приходится откровенно признаться, что определенные круги в Нидерландах не любят таких побед Востока. Ведь успех ленинградцев был победой, был знаменательным днем для советской культуры. Ленинградцы завоевали себе прочное место в сердцах нидерландских любителей музыки, они привезли нам с Востока самый прекрасный и исполненный миролюбия привет, какого только можно пожелать.

АМСТЕРДАМ, октябрь

НАШИ ГОСТИ

В Москву по приглашению Союза писателей СССР прибыла делегация польских драматургов во главе с Леоном Кручковским. В составе делегации — драматурги Здзислав Скворонский, Ежи Лютовский, Казимеж Корцелли, Ванда Жулкевская и театральный критик Галина Аудерская.

Гости пробудут в Советском Союзе около трех недель, посетят ряд городов, встретятся с советскими драматургами, ознакомятся с театральной жизнью столицы.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—024225